

Сона
Скофилд

Развод в 44.
Без меня ты пустышка,
генерал!

Сона Скофилд

**Развод в 44. Без меня
ты пустышка, генерал!**

«Автор»

2026

Скофилд С.

Развод в 44. Без меня ты пустышка, генерал! / С. Скофилд —
«Автор», 2026

— Освободи дом, Марина. Вика беременна, ей нужен покой. А тебе я оплачу квартиру на полгода. Так генерал Волков поздравил меня с сорок четвертым днем рождения. Двадцать три года я была его женой и надежным тылом. Растила дочь, строила наш дом, решала проблемы, о которых он даже не задумывался. А теперь у него молодая любовница и уверенность: без него я никто. Но я не отдам наш дом за копейки. И не подпишу документы о получении оборудования, которое нам так и не доставили. После моего отказа у генерала начинаются неприятности: проверка, потеря влиятельных друзей, крах карьеры. А я впервые учусь жить для себя и встречаю Максима Белова — состоятельного бизнесмена, рядом с которым снова чувствую себя любимой. Когда бывший приходит просить меня вернуться, остается один вопрос: он соскучился по жене или по женщине, которая всегда спасала его от последствий собственных решений?

© Скофилд С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Подарок на сорок четыре	5
Глава 1. Генеральша больше не служит	14
Глава 2. Жена, которой больше нет	31
Глава 3. Чужая в собственном доме	54
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Сона Скофилд

Развод в 44. Без меня ты пустышка, генерал!

Пролог. Подарок на сорок четыре

В день моего сорок четвертого рождения муж попросил меня освободить наш дом.

Не сразу, конечно. Сначала он снял пиджак, вымыл руки, спросил, остался ли ужин, и только потом достал из портфеля папку с документами.

Я как раз нарезала помидоры.

— Марин, присядь, — сказал Артем.

— Сейчас. Доделаю салат.

— Оставь салат. Разговор серьезный.

Я положила нож на доску.

За двадцать три года брака я научилась различать интонации мужа лучше, чем собственные желания. Одним тоном он сообщал, что задержится на службе. Другим просил погладить рубашку. Третьим разговаривал с подчиненными, когда те совершали ошибки.

Сейчас он говорил именно третьим.

— Что случилось?

Артем прошел в столовую, отодвинул стул и положил папку рядом со своей тарелкой.

На нем была темно-синяя рубашка, которую я купила ему перед Новым годом. Хорошая, дорогая. Он тогда сказал, что не понимает, зачем тратить такие деньги на обычную рубашку, а потом носил ее чаще остальных.

— Я хочу развестись, — произнес муж.

Из холодильника доносился ровный гул.

Я почему-то подумала, что забыла достать масло для картошки.

— Повтори.

— Марина, давай без этого. Ты прекрасно расслышала.

Я посмотрела на часы.

Девять двадцать семь.

В половине десятого мы собирались пить чай с тортом. Вера обещала позвонить по видеосвязи из Петербурга, чтобы мы вместе задули свечи. Дочь уже успела поздравить меня утром, но хотела еще раз увидеть нас обоих.

— Ты выбрал для этого сегодняшний день? — спросила я.

Артем нахмурился.

— А при чем здесь день?

— У меня день рождения.

— Я помню. Я тебя утром поздравил.

Он действительно поздравил. Прислал сообщение: «С днем рождения. Здоровья, дорогая». Даже поставил в конце красное сердечко.

Раньше он звонил, а еще раньше будил меня поцелуем.

Я села напротив.

— Кто она?

Муж потер переносицу.

— Не хочу, чтобы мы опускались до подобных разговоров.

— До каких? До разговора о женщине, ради которой ты разводишься?

— Я не говорил, что дело в женщине.

— Тогда в чем?

Он выдержал небольшую паузу.

— Мы давно живем каждый своей жизнью.

Я посмотрела на приготовленный ужин.

Картофель с розмарином. Запеченная рыба без костей, потому что Артем их терпеть не мог. Салат из овощей, которые я утром выбирала на рынке. Его любимый хлеб из пекарни на соседней улице.

— Да, — сказала я. — Особенно сегодня это заметно.

Муж раздраженно выдохнул.

— Вот именно. Ты сразу начинаешь цепляться к мелочам. Я пытаюсь поговорить с тобой как со взрослым человеком.

— Я тоже пытаюсь. Как зовут твою женщину?

Он отвел взгляд.

И мне хватило этой секунды.

— Виктория?

Артем снова посмотрел на меня.

— Откуда ты знаешь?

Я не знала.

Просто несколько месяцев назад он начал слишком часто произносить это имя.

Виктория передала документы.

Виктория согласовала встречу.

Виктория хорошо разбирается в организации мероприятий.

Последний раз он упоминал ее в субботу, когда объяснял, почему пришлось задержаться на работе почти до полуночи.

— Виктория Седова? — уточнила я.

— Да.

— Та самая девушка из «Северного контура»?

— Она не просто девушка. У нее хорошая должность, она образованная, самостоятельная.

Мне захотелось засмеяться.

Артем никогда не называл самостоятельной меня. Даже когда я одновременно работала, растила дочь и занималась переездами вслед за его назначениями.

Самостоятельными у него обычно оказывались женщины, которые не были его женой.

— Сколько ей лет?

— Марина.

— Двадцать семь?

— Да. Но возраст тут совершенно ни при чем.

— Разумеется.

Я встала, налила себе воды и выпила почти весь стакан.

Руки не дрожали. Я даже удивилась этому. Мне казалось, при подобных разговорах положено ронять посуду, плакать или хотя бы хвататься за сердце.

Вместо этого я поставила стакан в раковину.

— Давно?

— Что давно?

— Ты спишь с ней давно?

— Не надо выражаться так вульгарно.

— Хорошо. Давно ли ты строишь новые серьезные отношения, пока я глажу тебе рубашки?

Артем поморщился.

— Около года.

Год.

Прошлой осенью мы отмечали годовщину свадьбы в ресторане. Он заказал дорогое вино, хотя сам почти не пил, и подарил мне серьги.

На Рождество мы ездили к его матери.

Весной вместе выбирали растения для сада.

В июле провели три дня в Сочи, и он жаловался, что у него совершенно нет времени на отдых.

Получалось, все это время существовала Виктория.

Я вдруг вспомнила одну поездку. В аэропорту Артем тогда отошел отвечать на звонок. Вернулся довольный, почти веселый. Я спросила, хорошие ли новости по службе.

Он сказал, что хорошие.

Теперь я уже не была уверена, с кем он разговаривал.

— Почему сейчас? — спросила я.

— Вика беременна.

Я медленно опустилась обратно на стул.

У нас с Артемом была дочь. Вере исполнилось двадцать два. Когда-то мы хотели второго ребенка, но он получил новое назначение, потом еще одно. Каждый раз муж говорил, что сначала необходимо наладить быт, дожидаться повышения, закончить переезд.

Когда Вере исполнилось двенадцать, я перестала поднимать эту тему.

А теперь он собирался стать отцом снова.

— Поздравляю, — произнесла я.

— Не надо издеваться.

— Я не издеваюсь. У тебя будет ребенок. Надеюсь, ты хотя бы в этот раз будешь приходить домой раньше десяти.

Он постучал пальцами по папке.

— Я рассчитывал, что ты отнесешься к ситуации разумно. Мы не дети. У нас взрослая дочь. Ты еще достаточно молода, чтобы устроить свою жизнь.

Достаточно молода.

Всего полгода назад Артем сказал мне, что после сорока женщинам стоит осторожнее относиться к яркому макияжу. На корпоративе я накрасила губы красной помадой, и ему это не понравилось.

— Спасибо за разрешение, — ответила я. — А что в папке?

Он подвинул ее ко мне.

Сверху лежало подготовленное соглашение о разделе имущества.

Наше общее имущество было перечислено сухими строчками: загородный дом, земельный участок, автомобиль, два банковских счета.

Мне предлагалось оставить себе машину и получить денежную компенсацию за долю в доме. Сумма была такой, что в нашем районе на нее нельзя было купить даже приличную двухкомнатную квартиру.

— Ты это серьезно? — спросила я.

— Более чем.

— Артем, дом стоит минимум в четыре раза дороже, чем указано здесь.

— Дом требует расходов. Ты это прекрасно знаешь.

— Я знаю, сколько он стоит.

— Не сомневаюсь. Ты всегда любила считать чужие деньги.

Я подняла глаза.

— Чужие?

— Не надо придирайтесь к словам.

— Деньги от продажи маминой квартиры были чужими?

Муж откинулся на спинку стула.

— Мы сейчас будем вспоминать все, что было двадцать лет назад?

— Четырнадцать лет назад мы продали мамину квартиру. Она умерла двумя годами раньше. Четыре миллиона триста тысяч я вложила в строительство этого дома. Еще часть добавила из своих накоплений.

— И что ты хочешь этим сказать?

— Что я прекрасно помню, на какие деньги мы строились.

— А кто оплачивал все остальное? Кто содержал семью? Кто добился того, чтобы мы вообще могли позволить себе такой дом?

Я посмотрела на него.

Передо мной сидел человек, с которым я познакомилась, когда училась в институте. Тогда Артему было тридцать, он служил майором и приезжал к другу на свадьбу. Мне шел двадцать первый год.

Он умел смешить меня до слез.

Мог среди ночи купить билеты на поезд, потому что мне захотелось увидеть море.

Когда родилась Вера, три дня подряд звонил всем знакомым и хвастался ее фотографией.

Я помнила, как он сидел на полу нашей первой съемной квартиры и собирал детскую кроватку. У него никак не получалось закрепить одну из перекладин, он сердился, а потом мы оба смеялись.

Я смотрела на его лицо и пыталась понять, когда именно он стал считать себя единственным человеком, имеющим право решать за нашу семью.

— А кто растил твою дочь, пока ты служил? — спросила я.

— Опять начинается.

— Кто переезжал с тобой шесть раз? Кто увольнялся с работы, когда тебя переводили? Кто ухаживал за твоим отцом последние месяцы, пока ты находился в командировке?

— Марина, все жены офицеров через это проходят.

— Не все потом слышат, что они жили за чужой счет.

Он поджал губы.

— Я не собираюсь сейчас выяснять, кто кому больше дал.

— Ты уже выяснил. Даже сумму написал.

Я подвинула к нему соглашение.

— Подписывать не буду.

— Я и не рассчитывал, что ты сразу согласишься. Можешь показать бумаги юристу. Только не затягивай.

— Почему?

— Вика переедет сюда на следующей неделе.

Несколько секунд я просто смотрела на мужа.

— Сюда?

— Да.

— В наш дом?

— Марина, я же объяснил. У нас будет ребенок. Виктории нужен нормальный дом, а не съемная квартира.

— А мне?

— Что тебе?

— Мне где жить?

Артем ответил не сразу.

— Снимешь что-нибудь. Я помогу первое время.

— Первое время?

— Полгода, например. Дальше устроишься.

Я неожиданно вспомнила, как три года назад он попросил меня не брать дополнительную работу.

Мне предложили вести финансовое сопровождение сразу нескольких благотворительных проектов. Зарплата получалась хорошая, но занятость увеличивалась. Артем сказал, что ему нужна жена, которая бывает дома по вечерам, а не постоянно сидит за компьютером.

Я отказалась от двух проектов.

Теперь мне предлагали устроиться.

— У тебя уже есть ключи для нее? — спросила я.

Он недоуменно посмотрел на меня.

— Какие ключи?

— От дома. Ты сказал, она переедет. Значит, вы это обсуждали. Может, и мебель уже выбрали?

— Не устраивай сцен.

— Я задаю вопрос.

— Да, у нее есть комплект ключей. Я отдал на всякий случай.

Я медленно провела ладонью по столешнице.

Эту столешницу мы выбирали вместе.

Артем тогда хотел черную, а я боялась, что на ней будут видны все царапины. Он уступил мне с таким видом, словно сделал невероятное одолжение.

Впрочем, так он уступал почти всегда.

Дверь он мог открыть любой женщине, которой захотел. Но почему-то от меня требовалось уйти добровольно.

— Ты дал своей любовнице ключ от моего дома?

— От нашего, — поправил Артем.

— Прекрасно. Значит, ты все-таки помнишь, что он наш.

Муж резко встал.

— Вот поэтому я и не хотел этого разговора. Ты немедленно начинаешь цепляться к формулировкам, переходить на оскорбления и делать из себя жертву.

— Я еще ни разу тебя не оскорбила.

— Ты прекрасно понимаешь, о чем я.

Он прошелся по столовой.

Крупный, широкоплечий, с аккуратно подстриженными седыми висками. На службе его уважали. С ним говорили осторожно, заранее подбирая слова. Иногда я видела, как молодые офицеры выпрямлялись при одном его появлении.

Дома он тоже привык, что никто не спорит слишком долго.

— Слушай меня внимательно, — произнес Артем. — Я не собираюсь оставлять тебя без средств. Но и позволять тебе разрушать мою новую семью не стану. Мы расходимся достойно. Ты получаешь компенсацию, машину и возможность начать жизнь заново. Я оставляю дом. Вера взрослая, сама разберется. Чем быстрее мы все оформим, тем лучше.

— Для кого лучше?

— Для всех.

— Особенно для Вики.

— Хватит.

Он сказал это привычным голосом, которым завершал неприятные служебные разговоры.

Раньше я бы замолчала: не видела смысла продолжать ссору, когда он уже решил, что прав. Дело было не в страхе, я просто берегла силы.

В этот раз я спросила:

— А если я не съеду?
Артем остановился.
— Не понял.
— Если я останусь жить здесь. Что ты сделаешь?
— Марина, не заставляй меня принимать неприятные решения.
— Какие именно?
— Не испытывай мое терпение.
Я достала телефон.
— Тогда завтра я проконсультируюсь с адвокатом.
Он коротко усмехнулся.
— Консультируйся. Только не думай, что адвокат изменит факты. Дом оформлен на меня.
— Мы купили участок и построили дом в браке.
— И что?
— Вот завтра и выясню.
Не дождавшись продолжения спора, он еще несколько секунд постоял возле стола, потом сел и снова открыл папку.
— Раз уж мы заговорили о бумагах, мне от тебя понадобится одна подпись.
Я даже не удивилась.
— Какая?
Он вынул последний лист.
На нем стоял логотип компании «Северный контур».
Ниже — название нашего благотворительного центра «Точка опоры».
Я узнала стандартный бланк подтверждения передачи оборудования.
— Что это?
— Письмо о получении реабилитационных комплектов. Нужен подписанный экземпляр для отчета.
Я пробежала глазами текст.
Четырнадцать комплектов оборудования для семей военнослужащих.
— Нам привезли шесть, — сказала я.
— Остальное довезут.
— Когда?
— На следующей неделе.
— Тогда на следующей неделе и подпишу.
Артем раздраженно постучал по столу.
— Марина, это формальность.
— Для тебя, может быть. Для меня это документ, за который я отвечаю.
— Компания обязательства выполнит.
— Отлично. Когда выполнит, я все подтверждаю.
— Неужели ты собираешься мне мстить таким способом?
Я перечитала название компании.
Там работала его любовница.
Я подумала, что вряд ли это совпадение, но ничего не сказала.
— Я не собираюсь никому мстить, Артем. Я просто не буду подтверждать получение того, чего у нас нет.
Он забрал лист.
— С тобой стало невозможно разговаривать.
— Возможно. Ты только что разговаривал со мной почти сорок минут.
Он захлопнул папку.

И в этот момент зазвонил мой телефон.

На экране появилась фотография Веры. Я взяла трубку.

— Мам! — услышала я веселый голос. — Вы где там? Торт уже едите?

Я отвернулась от Артема.

— Нет, солнышко. Только собирались.

— А папа рядом? Включи видео. Хочу вас обоих увидеть.

Я посмотрела на мужа.

Он отрицательно покачал головой.

Мне стало настолько противно от этого маленького жеста, что я едва не отключила звонок.

Еще час назад он решал, где мне жить. Сейчас просил прикрыть его перед дочерью.

— Папа занят, — сказала я.

— Опять? — вздохнула Вера. — Ну ладно. Покажи хотя бы торт.

Я включила камеру и подошла к холодильнику.

— Смотри.

— Мам, какой красивый! Ты опять заказала огромный?

— Привычка.

— Сорок четыре — шикарный возраст, между прочим. Я тут девчонкам твою фотографию показывала, они не поверили, что ты моя мама.

— Подлизываешься?

— Конечно. Мне же от тебя нужен рецепт шарлотки.

Я засмеялась — по-настоящему, хотя и недолго.

Вера рассказывала про работу, новую квартиру, соседку и какие-то проблемы с начальницей. Я слушала, иногда отвечала, а Артем тихо убрал со стола свои документы.

Потом дочь послала мне воздушный поцелуй и отключилась.

Я еще некоторое время держала телефон.

Артем стоял возле двери в прихожую.

— Вере пока ничего не говори, — сказал он.

— Почему?

— Ей незачем переживать. Сначала решим все между собой.

— Ты собираешься жениться на Виктории?

— Когда оформим развод.

— И сколько времени собираешься скрывать от дочери новую семью?

— Не передергивай. Я сказал: пока.

Я посмотрела на него и вдруг поняла одну неприятную вещь.

В его словах я не слышала вины. Казалось, его беспокоило лишь то, сколько хлопот доставят последствия.

Он уже все решил: нашел молодую женщину, пообещал ей дом, подготовил бумаги и продумал, какую сумму мне предложить. Даже рассказ дочери собирался отложить до удобного ему момента.

Мне отвели место в конце этого списка.

— Я сама поговорю с Верой, — сказала я. — Когда буду готова.

— Не настраивай ее против меня.

— Не планирую. Ты прекрасно справишься с этим самостоятельно, если захочешь.

Он недовольно посмотрел на меня.

— Я завтра приеду за документами.

— За какими?

— За теми, что мы обсуждали. И подготовь свои реквизиты для перевода компенсации.

— Я ничего не подписываю.

— Мы еще вернемся к этому разговору.

— Возможно.

Артем взял пальто.

Возле двери он задержался.

— И еще, Марина. Не нужно делать вид, будто ты осталась совсем одна. Я обеспечивал тебе достойную жизнь двадцать три года. У тебя было все. Не каждая женщина в твоём возрасте может этим похвастаться.

Он говорил спокойно, даже снисходительно.

Будто объяснял неразумному ребенку, почему тот должен быть благодарен.

— Ты прав, — ответила я.

Муж явно не ожидал согласия.

— Рад, что ты хотя бы это понимаешь.

— Я действительно многое получила в нашем браке. Дочь. Образование, которое сумела закончить несмотря на переезды. Опыт работы. Друзей. А еще привычку заниматься всеми проблемами, которые ты не хотел замечать.

Он раздраженно махнул рукой.

— Опять начинаешь.

— Нет, Артем. Заканчиваю.

Он вышел.

Входная дверь закрылась без хлопка.

Я посмотрела на две тарелки.

Потом на альбом с фотографиями, который приготовила к вечеру. Хотела показать мужу наши старые снимки. Под фотографией молодой пары на вокзале я даже написала: «Двадцать три года вместе».

Я убрала альбом в шкаф.

Разогретый ужин остался на столе.

Мне больше не хотелось есть.

Я достала торт, поставила на него две свечи — четверку и четверку. Нашла в ящике зажигалку.

В кухонном окне отражалась женщина в синем платье. С аккуратной причёской, сережками и макияжем, на который она потратила почти час.

Я купила это платье неделю назад.

Артем его даже не заметил.

Я выключила верхний свет и зажгла свечи.

В детстве мама всегда говорила, что желание нельзя произносить вслух.

Я закрыла глаза.

Мне не захотелось просить, чтобы муж вернулся.

Не захотелось, чтобы его любовница передумала или чтобы кто-то наказал их обоих.

Я просто пожелала никогда больше не оказаться за столом, где за меня уже все решили.

Задула свечи и включила свет.

Потом взяла ноутбук, открыла папку с документами на дом и нашла договор продажи маминой квартиры.

Вслед за ним — старые банковские выписки.

Я начала собирать копии.

В половине первого ночи мне пришло сообщение от Артема.

«Надеюсь, утром ты успокоишься и мы сможем поговорить нормально».

Я прочитала его два раза.

Затем ответила:

«Утром я буду разговаривать с адвокатом».

Телефон почти сразу зазвонил.

Я отключила звук.

За двадцать три года брака мне редко удавалось уснуть, пока муж был чем-то недоволен.

В ночь после сорок четвертого дня рождения я впервые решила, что его недовольство может подождать до утра.

Глава 1. Генеральша больше не служит

Утром я проснулась в шесть сорок.

Будильник не звонил. Просто за двадцать три года я привыкла вставать раньше Артема, чтобы к семи на кухне уже был готов завтрак.

Сначала я даже не вспомнила о вчерашнем разговоре.

Поставила ноги на пол, накинула халат, пошла в ванную. Потянулась за вторым полотенцем, чтобы повесить его сушиться, и только тогда заметила, что мужа дома нет.

Его зубная щетка осталась на месте. Бритва тоже.

Значит, он собирался возвращаться.

Я посмотрела на свое отражение.

Глаза опухли, хотя ночью я так и не заплакала. Спала плохо, несколько раз просыпалась и проверяла время. В три часа попыталась читать, но не смогла сосредоточиться даже на одной странице.

К пяти снова уснула.

Теперь предстояло прожить обычный понедельник.

Я умылась, собрала волосы и пошла на кухню.

На столе осталась одна из двух тарелок, которые я вчера так и не убрала. Я положила ее в посудомоечную машину, переложила рыбу в контейнер и выбросила засохший салат.

Торт стоял в холодильнике.

Я отрезала небольшой кусок, хотя обычно не ела сладкое на завтрак.

Вчера мне исполнилось сорок четыре.

Сегодня я собиралась нанять адвоката.

За кофе я открыла банковское приложение.

На моем личном счете лежало шестьсот восемьдесят тысяч рублей. Еще сто двадцать тысяч хранились на накопительном вкладе, который я открыла несколько лет назад.

Немного для женщины, прожившей столько лет с обеспеченным мужчиной. Но эти деньги были моими. Я получала зарплату в благотворительном центре, иногда брала оплачиваемые консультации по финансовой отчетности. Часть доходов откладывала.

Артем никогда не спрашивал, сколько именно я зарабатываю.

Ему было достаточно знать, что я не прошу денег на мелочи.

У нас существовал общий семейный счет, которым в основном распоряжался муж. С него оплачивались крупные покупки, обслуживание дома и коммунальные расходы.

Кредитная карта, которой я пользовалась для продуктов и бытовых покупок, была дополнительной к его счету.

Сегодня утром приложение показывало, что эта карта заблокирована.

Я несколько секунд смотрела на экран.

Потом открыла сообщения.

В восемь двенадцать Артем написал:

«Дополнительную карту отключил. Если что-то понадобится, скажи. Не хочу, чтобы ты в таком состоянии тратила общие деньги назло мне».

Я перечитала сообщение.

На прошлой неделе я купила по этой карте продукты и бытовую химию. Раньше покупала еще и корм для нашей старой кошки. Она умерла в феврале, и последний пакет пришлось отдать соседке.

В прошлом месяце — подарок его матери на юбилей.

Для себя за последние две недели я купила только то самое синее платье. За свои деньги.

Теперь муж опасался, что я разорю его из мести.

Я набрала ответ:

«Мне ничего от тебя не нужно. По вопросам имущества будем общаться через юриста».

Отправила.

Телефон зазвонил почти сразу.

Артем.

Я дождалась окончания вызова.

Через минуту пришло сообщение:

«Не начинай войну, Марина».

Я сделала снимок экрана.

Не знала, понадобится ли он. Просто не хотела потом доказывать себе, что все это происходило на самом деле.

Адвоката мне посоветовала Зоя Литвинова, с которой мы работали в центре «Точка опоры».

Я позвонила ей в половине девятого.

— Марин, привет! С прошедшим! Я тебе подарок приготовила. Ты сегодня приедешь?

— Приеду. Зой, мне нужен хороший адвокат по семейным делам.

Она замолчала.

— Ты что-нибудь натворила?

— Нет.

— Артем?

— Да.

— Понятно. Что сделал?

Я посмотрела на торт.

— Нашел себе новую семью.

Зоя не стала ахать или расспрашивать, насколько серьезно все произошло.

— Есть Елена Савина. Она вела развод моей сестры. Недешевая, но толковая. Сейчас пришло номер.

— Спасибо.

— Тебе приехать помочь?

— Пока не надо.

— Марина, я не из вежливости спрашиваю.

— Знаю. Мне сначала надо понять, что делать.

— Хорошо. Но вечером я тебе позвоню. И даже не пытайся сказать, что у тебя все прекрасно.

Я впервые за утро улыбнулась.

— Договорились.

Елена Савина ответила после второго гудка.

Голос у нее был спокойный, немного хриплый.

Я коротко объяснила ситуацию.

— Двадцать три года брака, взрослая дочь, дом построен во время брака, но оформлен на мужа. Он предлагает компенсацию значительно ниже рыночной стоимости и требует, чтобы я съехала.

— На какое число назначено ваше выселение? — спросила она.

— На следующую неделю.

— Муж называет это выселением?

— Он называет это разумным решением.

— Очень распространенная формулировка, — заметила адвокат. — Документы на дом у вас есть?

— Да.

— Брачный договор заключали?

— Нет.

— Соглашение о разделе уже подписали?

— Нет.

— Вот и замечательно. Сегодня в три сможете приехать?

— Смогу.

— Привозите все, что найдете. И, Марина Сергеевна, пока ничего не подписывайте. Особенно документы, которые муж предлагает оформить срочно.

— Это я уже поняла.

— Тогда до встречи.

Я положила телефон и открыла ноутбук.

Договор купли-продажи маминой квартиры нашелся в электронном архиве. Старые платежные поручения сохранились не все, но у меня были копии нескольких банковских выписок и договор со строительной компанией.

Я распечатала все, что могла.

Наш дом строили почти полтора года.

Тогда Артем получил повышение, мы впервые перестали считать каждую крупную покупку, и он заговорил о собственном участке.

Мы выбирали его вместе.

Я хотела, чтобы рядом росли сосны, он — чтобы служебная машина могла без труда подъехать к дому.

В результате купили участок на тихой улице, недалеко от города.

Поначалу муж действительно участвовал в строительстве. Ездил смотреть фундамент, спорил с прорабом, выбирал отопительный котел.

Потом у него появились новые обязанности.

Я осталась разбираться с рабочими, поставками, сметами и десятками мелких решений.

Когда строительство наконец закончилось, Артем устроил новоселье для коллег.

Я запомнила, как он стоял на террасе с бокалом и рассказывал, сколько сил вложил в строительство.

Тогда мне даже было приятно.

Я гордилась им.

Теперь я складывала счета и договоры в отдельную папку, чтобы доказывать, что тоже имею отношение к дому, в котором прожила двенадцать лет.

В центре я появилась около десяти.

«Точка опоры» занимала небольшое помещение на первом этаже офисного здания. Несколько кабинетов, общий зал, склад и кухня, в которой постоянно кто-нибудь пил чай.

Мы помогали семьям военнослужащих, в том числе людям, вернувшимся после тяжелых травм. Организовывали консультации специалистов, занятия с реабилитологами, юридическую и психологическую помощь.

Я отвечала за бюджет, отчетность, договоры и часть организационных вопросов.

Начинали мы почти без денег, с двух комнат и нескольких волонтеров.

Теперь у центра были постоянные сотрудники, партнеры и очередь из семей, которым требовалась помощь.

Артем называл мою работу общественной деятельностью.

Однажды на ужине при знакомых он пошутил, что я просто не умею сидеть дома без дела.

Все посмеялись, и я вместе с ними. Тогда мне казалось, что лучше не спорить с мужем при посторонних.

— Марина Сергеевна! — окликнула меня девушка из приемной. — С прошедшим днем рождения!

Люба вручила мне пакет с небольшим букетом и открыткой.

На открытке кривоватыми буквами было написано:

«Спасибо, что помогли нашей маме».

Я узнала почерк девятилетнего мальчика, чья семья обратилась к нам весной.

У его матери долго не получалось оформить необходимые документы для реабилитации после серьезной травмы. Мы помогли с консультациями, подготовкой бумаг и организацией занятий.

Я погладила пальцем край открытки.

— Спасибо, Люб.

— Вы чего такая грустная?

— Не выпалась.

— Тогда я вам кофе сделаю. Зоя сказала, сегодня никого не пускать к вам до обеда.

— Зоя преувеличивает. Работу никто не отменял.

— Она так и сказала, что вы это скажете.

Я прошла в кабинет.

На столе лежали две папки и небольшой сверток в подарочной бумаге. Сотрудники пода-рили мне ежедневник с кожаной обложкой и красивую ручку.

Зоя появилась через несколько минут.

Невысокая, энергичная, с короткими темными волосами и неизменной привычкой поправлять очки указательным пальцем.

— Ну? — спросила она, закрывая дверь.

— Что ну?

— Как ты?

— Пока не знаю.

Она села напротив.

— Любовница?

Я кивнула.

— Молодая?

— Двадцать семь.

— А ему пятьдесят три.

— Именно.

— Ну что ж, — сказала Зоя. — У некоторых мужчин арифметика заканчивается после получения высокого звания.

Я невольно рассмеялась.

— Еще она беременна.

Улыбка исчезла с ее лица.

— Вот мерзавец.

— Зой.

— Что «Зой»? Я двадцать лет видела, как ты таскаешься с его поручениями. Ты ему и врачей находила, и праздники устраивала, и мать возила по обследованиям. А он решил, что заслужил молодую жену и новый комплект детей?

— Пожалуйста, не надо.

Она немного помолчала.

— Хорошо. Не буду. Но если мне захочется его придушить, я сначала позвоню тебе.

— Договорились.

— С домом что?

— Предлагает компенсацию. Небольшую.

Я назвала сумму.

Зоя сняла очки.

— Он совсем обнаглел?

— Похоже.

— Ладно. С Савиной созвонилась?

— Да. В три встреча.

— Прекрасно. Теперь к работе. У нас проблема с «Северным контуром».

Я подняла голову.

— Какая?

— Они прислали письмо для подтверждения поставки. Опять четырнадцать комплектов.

— Муж вчера принес мне такой же документ.

Зоя нахмурилась.

— Откуда у него наши бумаги?

— Видимо, попросили передать.

— С каких пор он у нас курьером работает?

Я не ответила.

Она пододвинула ко мне папку.

Внутри находились накладные, копии договоров и таблица поставок.

— Шесть комплектов мы уже получили, — сказала Зоя. — Остальные восемь обещали доставить до конца недели. Но теперь хотят закрыть отчетность сегодняшним числом.

— Кто просит?

— Виктория Седова.

Мне понадобилось несколько секунд, чтобы сохранить спокойное выражение лица.

— Виктория?

— Да. Координатор корпоративных проектов. Ты с ней вроде встречалась на презентации весной.

Я вспомнила.

Виктория была высокой блондинкой в кремовом брючном костюме. У нее были красивые волосы, уверенная улыбка и очень приятная манера разговаривать с людьми, от которых что-то зависело.

Тогда она подошла к нашему столику с Артемом, поздоровалась с ним и протянула руку мне.

Сказала, что много слышала о работе центра.

Я еще подумала, какая воспитанная девушка.

В тот вечер я пригласила ее на нашу ежегодную благотворительную встречу.

— Марин? — позвала Зоя.

— Да. Помню ее.

— Ты чего побледнела?

Я закрыла папку.

— Это любовница Артема.

Зоя несколько секунд молчала.

Потом медленно надела очки.

— Вот теперь у меня появились дополнительные вопросы.

— У меня тоже.

— Она знает, кто ты?

— Конечно.

— И просит тебя подписать бумаги?

— Получается, так.

Зоя посмотрела на таблицу.

— Может, стоит сейчас все отменить?

— Что именно?

— Сотрудничество с компанией. У нас и без того сложности с этой поставкой.

Я покачала головой.

— У нас есть обязательства перед людьми. Шесть комплектов уже используются. Еще восемь ждут семьи. Нельзя срывать поставку только потому, что мой муж спит с сотрудницей подрядчика.

— А если они не привезут?

— Тогда будем решать вопрос официально. Пока запросим подтверждение фактического количества.

Я открыла почту.

Нашла последнее сообщение Виктории.

«Добрый день, Марина Сергеевна! Направляю итоговую форму. Прошу подписать сегодня, поскольку отчетный период закрывается. Оставшаяся часть оборудования будет доставлена в соответствии с согласованным графиком».

Я прочитала письмо дважды.

Вчера вечером Артем произнес почти те же слова.

— Похоже, они очень торопятся, — заметила Зоя.

— Да.

Я написала ответ.

«Добрый день, Виктория. Центр подтверждает получение шести комплектов оборудования. Остальные восемь на текущую дату не поступили. Подтверждающий документ на четырнадцать комплектов подписать не могу. После фактической передачи оставшегося оборудования оформим необходимые документы».

Отправила.

Зоя внимательно посмотрела на меня.

— Ты уверена, что хочешь сейчас этим заниматься?

— Это моя работа.

— Я про Викторию.

— А что мне делать? Звонить ей и выяснять, насколько хорошо она знает моего мужа?

— Например.

Я открыла следующую папку.

— Не собираюсь. Она уже получила все, что хотела.

— Еще не факт, — сказала Зоя.

Я подняла глаза.

— Что ты имеешь в виду?

— Если твой генерал привык обещать другим то, что ему не принадлежит, эта девушка еще может сильно удивиться.

Я ничего не ответила.

Только тогда до меня окончательно дошло, что Артем обсуждал с Викторией не только будущего ребенка.

Он рассказал ей о нашем доме.

О том, когда я должна съехать.

Возможно, уже показал фотографии комнат, в которых мы с ним жили последние двенадцать лет.

Интересно, показывал ли он ей снимок Веры в рамке возле лестницы?

Я убрала телефон в ящик стола.

— Давай работать, Зой.

Она еще немного посмотрела на меня, потом кивнула.

— Ладно. Но обедать сегодня пойдешь со мной.

В три часа я сидела напротив Елены Савиной.

Адвокат оказалась женщиной примерно моего возраста. Высокая, с короткой стрижкой и цепким взглядом.

Она не стала спрашивать, как я себя чувствую, и не пыталась меня утешать.

Вместо этого внимательно изучила документы.

— Дом зарегистрирован на супруга, — сказала она. — Но приобретен и построен в период брака. Это важное обстоятельство. И у вас есть документы о вложении личных средств, полученных от продажи унаследованной квартиры.

— Значит, он не может просто выставить меня?

— Не может одним своим требованием лишить вас прав. Но я не буду обещать, что раздел окажется простым. Придется подтверждать происхождение средств, стоимость недвижимости, обстоятельства строительства. Возможно, потребуется экспертиза.

Я кивнула.

— Я готова.

— Машина на кого оформлена?

— На меня.

— Когда куплена?

— Три года назад.

— Банковские счета?

Я передала ей выписки.

Она сделала пометки.

— Супруг военнослужащий?

— Да. Генерал-майор.

— Действующий?

— Да.

— Он угрожал вам физически?

— Нет.

— Ограничивал доступ к деньгам?

— Сегодня отключил дополнительную карту.

Елена подняла взгляд.

— Карта была привязана к его счету?

— Да.

— Хорошо. Это зафиксируем. У вас есть личные средства на ближайшее время?

— Есть. И работа.

— Отлично.

Она отложила ручку.

— Марина Сергеевна, сейчас вам придется решить один вопрос. Вы хотите продолжать жить в доме, пока идет раздел имущества, или предпочитаете временно переехать?

Я задумалась.

Вчера вечером мне казалось, что съезд из дома будет означать поражение.

Что Артем только этого и добивается.

Но утром, когда я спускалась по лестнице, то вспомнила его слова о Виктории. У нее уже были ключи. В любой момент она могла войти туда, где я спала, готовила, работала, где до сих пор лежали вещи моей дочери.

Мне не хотелось просыпаться каждое утро и гадать, появится ли сегодня другая женщина.

— Наверное, перееду, — ответила я.

— Это ваше право. Сам по себе временный переезд не означает отказа от собственности. Однако стоит заранее зафиксировать имущество, сохранить документы и не подписывать соглашений без проверки.

— Он считает, что дом принадлежит только ему.

Елена закрыла папку.

— Пусть считает. Нас будут интересовать не его убеждения, а документы.

Мне понравилось, как она это произнесла: спокойно, без ненужных обещаний, с уверенностью человека, который знает свою работу.

— Скажите, — спросила я, — можно ли закончить все без публичного скандала?

— Можно попытаться. Если обе стороны готовы договариваться.

Я вспомнила папку, принесенную Артемом.

— А если одна сторона уверена, что другая обязана согласиться?

— Тогда обычно требуется больше времени и больше документов.

Я усмехнулась.

— Понятно.

Елена назвала стоимость сопровождения дела.

Сумма была существенной.

Я мысленно пересчитала свои накопления и согласилась.

Мы подписали договор.

Когда я вышла из офиса, впервые за сутки у меня был список конкретных дел: собрать документы, заказать независимую оценку дома, сохранить переписку, подготовить опись имущества и найти временное жилье. Условия раздела с Артемом предстояло обсуждать только через адвоката.

Я знала, с чего начать, и это помогало больше, чем мысли о мести.

Квартиру я начала искать сразу после встречи.

Мне не нужен был большой дом.

Хотелось, чтобы в помещении было чисто, тепло и можно было спокойно работать по вечерам.

Я открыла объявления и выбрала несколько однокомнатных квартир недалеко от центра.

Первая оказалась слишком дорогой.

Вторая — с такой старой мебелью, что агент даже извинился, когда открыл дверь.

Третью я посмотрела уже после шести.

Она находилась на восьмом этаже современного дома. Небольшая кухня, комната с широким окном, удобный стол у стены.

В квартире пахло свежей краской.

— Хозяйка недавно делала ремонт, — объяснил агент. — Жила здесь сама, потом переехала к мужу.

— А теперь сдает?

— Да. Квартира пустует второй месяц.

Я подошла к окну.

Внизу росли липы, за ними проходила улица. Никакого сада, террасы и огромной кухни.

Зато у меня впервые за долгое время появилась возможность выбирать место, исходя только из собственных потребностей.

— Сколько нужно внести при заселении? — спросила я.

Агент назвал сумму.

Я прикинула расходы.

На первое время хватало.

Дальше придется больше работать. Возможно, взять те самые дополнительные проекты, от которых я когда-то отказалась.

Эта мысль неожиданно мне понравилась.

— Я готова снять, — сказала я. — Но договор хочу сначала показать своему юристу.

Агент улыбнулся.

— Без проблем. Прислать образец?

— Да, пожалуйста.

Мы договорились встретиться на следующий день.

Уже у лифта я вспомнила, что не спросила про парковку.

Машину я собиралась оставить себе, хотя было неясно, получится ли это после раздела имущества.

Вернулась, уточнила и записала стоимость.

Раньше организацией таких вещей занималась я, но почти всегда для удобства Артема.

Теперь рассчитывала расходы для себя.

Домой я приехала в половине восьмого.

Возле ворот стояла машина мужа.

Рядом с ней — белый автомобиль, которого я раньше не видела.

Я открыла калитку и подошла к крыльцу. Входная дверь была приоткрыта.

Из дома доносились голоса.

Женский смех.

Потом голос Артема:

— Здесь можно сделать детскую. Марина все равно заберет свои вещи.

Я не сразу вошла. Хотелось развернуться, вернуться в машину и уехать.

Но передо мной был дом, в который я вложила двенадцать лет труда, деньги матери и большую часть своей взрослой жизни.

Я вошла.

В прихожей, на банкетке возле зеркала, лежала небольшая дорогая сумка.

Я сняла пальто, повесила его на крючок и прошла в гостиную.

Артем стоял возле лестницы.

Рядом с ним была Виктория.

На ней было облегающее светлое платье. Длинные волосы аккуратно лежали на плечах.

На руке блестел дорогой браслет.

Она действительно была очень красивой.

Молодой, ухоженной, уверенной в своей привлекательности.

Я смотрела на нее и пыталась почувствовать ненависть.

Но вместо этого заметила, что на лестнице она стоит в уличной обуви.

У нас были светлые деревянные ступени, которые я всегда просила не пачкать.

— Добрый вечер, — сказала я.

Виктория резко повернулась.

Артем нахмурился.

— Ты уже дома?

Я посмотрела на часы.

— Половина восьмого. Поздно?

— Я думал, ты у Зои.

— Была. Потом ездила по делам.

Виктория спустилась на две ступеньки.

— Марина Сергеевна, здравствуйте.

— Здравствуйте, Виктория.

Она посмотрела на Артема.

Похоже, такой встречи в их планах не было.

— Я, наверное, пойду, — сказала она.

— Подожди, — остановил муж. — Ничего страшного не происходит.

Я посмотрела на него.

— Ты привел любовницу в наш дом на следующий день после того, как сообщил мне о разводе.

— Виктория приехала посмотреть помещение для детской.

— Понятно.

Виктория поспешно заговорила:

— Марина Сергеевна, я не хотела вас обидеть. Артем сказал, что вы уже давно фактически не живете как супруги.

Я перевела взгляд на мужа.

Он молчал.

— Интересно, — сказала я. — А до вчерашнего вечера Артем тоже считал нас соседями?

Виктория покраснела.

— Я не это имела в виду.

— Я поняла, что вы имели в виду. Мне просто интересно, как именно Артем объяснял вам наше положение.

— Марина, прекрати, — вмешался муж.

Я подняла руку.

— Артем, я разговариваю с Викторией.

Он посмотрел на меня так, будто я только что нарушила приказ.

Раньше одного такого взгляда хватало, чтобы я замолчала.

— Мне очень жаль, что так получилось, — произнесла Виктория. — Но мы с Артемом любим друг друга. И у нас будет ребенок. Мы не хотим никому делать больно.

Я кивнула.

— Тогда зачем вы приехали сюда сегодня?

— Посмотреть комнаты.

— Вы знали, что я еще здесь живу?

Она растерялась.

— Артем сказал, что вы собираетесь переезжать.

— Да. Собираюсь. Но пока еще не переехала.

Виктория опустила глаза.

Артем подошел ближе.

— Все, хватит. Вика, подожди меня в машине.

— Артем...

— Я сейчас выйду.

Она взяла сумку и быстро прошла к двери.

Когда мы остались одни, муж закрыл дверь гостиной.

— Ты довольна?

Я посмотрела на него.

— Чем?

— Устроила девушке допрос.

— Ты серьезно?

— Она беременна. Ей нельзя нервничать.

Я несколько секунд молчала.

Потом спросила:

— А мне можно?

Он раздраженно выдохнул.

— Не начинай.

— Мне сорок четыре года, Артем. Вчера ты сообщил, что изменял мне целый год. Сегодня привел свою любовницу выбирать комнату для ребенка. И теперь требуешь, чтобы я берегла ее нервы?

— Я не требую. Я прошу вести себя достойно.

— Достойно было бы сначала развестись, а потом приглашать сюда новую женщину.

— Я не собираюсь терпеть твои истерики.

Я положила сумку на стол.

— Где ты увидел истерику?

Он не ответил.

— Я не кричала. Не оскорбляла Викторию. Не выгоняла ее. Просто задала несколько вопросов. Почему тебе так не понравилось?

— Потому что я прекрасно знаю тебя. Сейчас ты начнешь мстить.

— Каким образом?

— Не отдашь дом. Подашь жалобы. Станешь рассказывать знакомым, какой я мерзавец.

— Мне даже рассказывать ничего не нужно. Ты сам привел Викторию.

Муж подошел к окну.

За стеклом стояла белая машина.

Он посмотрел на нее, потом повернулся ко мне.

— Сколько ты хочешь?

Я не сразу поняла.

— За что?

— За дом. Назови сумму. Только реальную, Марина.

— Я уже сказала, что этот вопрос будет решать мой адвокат.

Он резко развернулся.

— Ты действительно наняла адвоката?

— Да.

— Зачем?

— Для развода.

— Мы же могли договориться сами!

— Ты уже подготовил соглашение без моего участия. Теперь я хочу, чтобы мои интересы представлял специалист.

Артем несколько секунд смотрел на меня.

— Ты понимаешь, что сама все усложняешь?

— Понимаю.

— И тебя это устраивает?

— Меня устраивает, что я больше не обязана соглашаться с каждым твоим решением.

Он подошел ближе.

— Марина, не забывай, с кем разговариваешь.

Я посмотрела ему в глаза.

— С мужем, который вчера объявил мне о разводе.

— Ты прекрасно понимаешь, что я имею в виду.

— Понимаю. Ты привык, что люди выполняют твои распоряжения.

— Я всю жизнь отвечал за людей и принимал сложные решения.

— А я всю жизнь старалась, чтобы дома тебе не приходилось ничего решать.

Муж молчал.

Я продолжила:

— Ты хоть знаешь, где лежит гарантия на отопительный котел? Сколько мы платим садовнику? Когда у твоей матери следующий прием у кардиолога?

— При чем здесь это?

— При том, что ты говоришь о наших двадцати трех годах так, будто все это время я просто жила за твой счет.

Он стиснул челюсти.

— Не надо перечислять свои заслуги. Я тоже многое делал для семьи.

— Конечно. Я никогда этого не отрицала.

— Тогда в чем проблема?

— В том, что ты решил, будто можешь заплатить мне небольшую компенсацию и вычеркнуть из собственной жизни. А еще ожидаешь, что я помогу тебе все организовать.

— Господи, Марина. Ты опять все сводишь к деньгам.

— Нет, Артем. Это ты принес соглашение с конкретной суммой.

Я взяла со стола сумку.

— Кстати, я нашла квартиру. Завтра, если все будет в порядке с договором, сниму ее.

Его лицо немного расслабилось.

— Вот видишь. Можешь же вести себя разумно.

— Я снимаю квартиру, потому что не хочу жить рядом с твоей любовницей. Не потому, что согласилась отдать тебе дом.

Улыбка исчезла.

— Опять за свое.

— Да. Этот вопрос остается открытым.

Он поправил манжету рубашки.

— Хорошо. Тогда пусть твой адвокат связывается с моим.

— Так и будет.

Артем пошел к двери.

У самого выхода остановился.

— И еще. Мне сегодня звонили из «Северного контура». Почему ты не подписала письмо?

Я посмотрела на него.

— Потому что восемь комплектов нам не доставили.

— Я уже говорил, что доставят.

— А я говорила, что подпишу после поставки.

Он устало потер лицо.

— Марина, ты хотя бы представляешь, какие люди занимаются этим проектом?

— Представляю. Мы работаем с компанией не первый месяц.

— Тогда должна понимать, что нельзя срывать отчетность из-за какой-то мелочи.

— Восемь комплектов оборудования — не мелочь. Их ждут конкретные люди.

— Комплекты будут.

— Тогда проблемы нет. Привезут, оформим.

Артем некоторое время смотрел на меня.

— Раньше ты была сговорчивее.

— Раньше ты хотя бы пытался со мной договариваться.

— Не делай из меня врага.

— Я этого не делаю.

Он вышел, не попрощавшись.

Через минуту за воротами завелась машина.

Я осталась в гостинной. На светлых ступенях лестницы виднелись темные полосы от женских туфель.

Я принесла влажную тряпку и вытерла их.

Потом остановилась.

Зачем?

Виктория все равно вернется.

Может быть, завтра. Может быть, через неделю.

Она будет ходить по этим ступеням, открывать шкафы, переставлять посуду и выбирать мебель.

И я ничего не смогу сделать с тем, что Артем хочет видеть рядом с собой другую женщину.

Но отдавать ей то, что принадлежит мне, я не собиралась.

В половине девятого позвонила Вера.

Я сидела на кровати с открытым чемоданом.

Собирала вещи на первое время.

Несколько комплектов одежды, белье, лекарства, документы, ноутбук, любимые книги.

Сначала хотела взять фотографию Веры с выпускного.

Потом решила забрать весь альбом.

— Мам, — сказала дочь, — ты сегодня странная. У тебя все нормально?

Я закрыла чемодан.

— Нет, Вер. Не нормально.

Она сразу перестала шутить.

— Что случилось?

Я села на край кровати.

— Мы с папой разводимся.

На другом конце некоторое время было тихо.

— Как?

— Он встретил другую женщину.

Вера тяжело выдохнула.

— Папа?

— Да.

— Давно?

— Около года.

— И ты только сейчас узнала?

— Да.

Она молчала.

Потом спросила:

— Он тебе сам сказал?

— Вчера вечером.

— В твой день рождения?

Я прикрыла глаза.

— Да.

— Он совсем ненормальный?

— Вера...

— Мам, не защищай его. Пожалуйста, хотя бы сейчас не защищай.

Я не нашла, что ответить.

Дочь заговорила снова:

— Он мне утром написал. Что у вас сложный период и мне не нужно вмешиваться в ваши взрослые дела.

Я вспомнила просьбу Артема ничего ей не рассказывать.

Значит, он сам уже начал готовить ее к своей версии происходящего.

— И что ты ему ответила? — спросила я.

— Что вообще-то я тоже взрослая.

Я засмеялась.

Вера всхлипнула.

— Мам, ты плачешь?

— Нет.

— А я плачу.

Мне стало трудно говорить.

— Солнышко...

— Он что, правда тебя бросил?

В этой фразе было столько растерянности, что я невольно представила ее маленькой девочкой.

Когда Вере было пять, она однажды потерялась в большом магазине. Всего на несколько минут. Я нашла ее возле кассы, зареванную, с крепко зажатой в ладони игрушкой.

Она тогда повторяла: «Я думала, ты меня бросила».

Сейчас моей дочери было двадцать два.

А я снова не знала, как объяснить ей поступок взрослого человека.

— Да, Вер. Он хочет развестись.

— И что теперь?

— Пока решаем вопросы с домом. Я нашла адвоката. Думаю снять квартиру.

— Почему ты должна съезжать?

— Потому что мне самой так будет спокойнее. Свою долю в доме я не отдаю.

Вера выдохнула.

— Слушай, я могу приехать. У меня отпуск через две недели, но я попробую поменяться.

— Не нужно бросать работу. Я справлюсь.

— Мам, я могу приехать не потому, что ты не справишься. А потому, что я твоя дочь.

Я прижала ладонь ко лбу.

— Прости.

— За что?

— Не знаю.

— Вот и не извиняйся.

Мы поговорили еще почти полчаса.

Вера спрашивала, где я буду жить, достаточно ли у меня денег, нужна ли помощь.

Я отвечала честно.

Не говорила, что все прекрасно.

Но и не рассказывала дочери подробности отношений Артема с Викторией. Эти подробности ей придется обсуждать с отцом, если она сама захочет.

Перед тем как отключиться, Вера сказала:

— Мам, я люблю тебя. И мне очень жаль, что он так поступил.

После звонка я долго сидела с телефоном в руках.

Потом открыла переписку с Артемом.

Он прислал еще два сообщения.

В первом требовал адрес моего адвоката.

Во втором спрашивал, почему я рассказала Вере о разводе.

Я ответила только на первое.

Контакты Елены Савиной он получил.

Все остальное мог обсудить с ней.

В десять вечера мне написала Зоя.

«Ты дома?»

«Да».

«Он приходил?»

«И не один».

Она тут же позвонила.

— В смысле не один?

Я рассказала про Викторину.

На этот раз Зоя выругалась.

Я даже не стала делать ей замечание.

— Марина, я хочу сказать одну вещь, — произнесла она после моей истории.

— Какую?

— Ты можешь не быть сильной каждую минуту.

Я молчала.

— Можешь плакать, злиться, не отвечать на звонки, питаться неделю бутербродами.

Никто тебе за это медаль не даст и не отберет.

— У меня завтра документы по поставке.

— Документы подождут до утра.

— Зой...

— Слушай сюда. Я тоже умею работать. И ты не обязана спасать весь центр, пока у тебя собственная жизнь разваливается.

Я закрыла глаза.

— Хорошо.

— Завтра после обеда приеду. Помогу с вещами.

— Спасибо.

— И только попробуй отказать.

После разговора я действительно позволила себе немного поплакать.

Сидела на кровати, держала в руках старую футболку Артема, случайно оставшуюся среди моих вещей, и плакала.

Я плакала не столько из-за дома или любовницы. Мне было жаль двадцатилетнюю себя.

Ту девушку, которая считала, что ей невероятно повезло встретить взрослого, надежного мужчину.

Она так старалась стать хорошей женой.

Научилась готовить его любимые блюда, запоминала имена сослуживцев, принимала гостей, подстраивала собственные планы под его командировки.

И долго не замечала, что ее старания постепенно превратились в обязанности, за которые никто не собирался благодарить.

Я вытерла лицо, убрала футболку в отдельный пакет и положила к его вещам.

Остальные вещи мужа я трогать не стала.

Теперь у него была новая женщина.

Пусть сам разбирается со своими рубашками.

В одиннадцать я решила проверить рабочую почту.

Зоя просила не заниматься делами, но мне хотелось закончить переписку с поставщиком. Завтра у нас должна была состояться встреча с представителями семей, которые ожидали оборудование.

Я открыла письмо от «Северного контура».

Оно пришло в девять сорок семь.

Тема: «Закрывающие документы. Благотворительный проект».

Отправитель — Виктория Седова.

Я ожидала увидеть уточненный график поставки.

Вместо этого прочитала:

«Марина Сергеевна, добрый вечер. В связи с ранее предоставленным подтверждением полной поставки направляю вам копию подписанного документа. Полагаю, возникло недоразумение. Просьба подтвердить, что дополнительных претензий со стороны организации не имеется».

Я перечитала письмо.

Ранее предоставленным подтверждением?

Каким?

Я никогда не подтверждала получение четырнадцати комплектов.

Скачала вложение.

Обычный PDF-файл на двух страницах.

Первая — сопроводительное письмо.

Вторая — акт приема оборудования.

Я увеличила изображение.

В таблице значились четырнадцать комплектов.

Дата — позапрошлая пятница.

Ниже была указана наша организация.

«Точка опоры».

Ответственное лицо: Волкова Марина Сергеевна.

Я медленно прокрутила документ вниз.

И увидела подпись.

Мою.

Точнее, очень похожую на мою.

Та же длинная начальная буква, тот же короткий росчерк в конце.

Только я не подписывала этот акт.

В позапрошлую пятницу я вообще находилась в другом городе. Мы с Зоей ездили на встречу с региональными партнерами и вернулись поздно вечером.

Никакого оборудования в тот день не получали.

Я открыла журнал поставок.

Последняя запись действительно подтверждала поступление шести комплектов. У каждого имелся серийный номер. Все шесть были переданы нашим специалистам для работы.

Остальные восемь по-прежнему отсутствовали.

Я снова посмотрела на акт.

Он был оформлен так, будто центр уже получил все.

А рядом с моей фамилией находилась подпись, которую я не ставила.

Некоторое время я просто сидела перед экраном.

Вспомнила вчерашний разговор.

Как Артем просил подписать бумагу.

Как раздражался, когда я отказалась.

Как говорил, что это всего лишь формальность.

Сегодня вечером он снова вернулся к этой теме.

И ни разу не упомянул, что документ уже существует.

Я взяла телефон.

Палец остановился над именем мужа.

Потом я убрала руку.

Звонить ему не стала.

Вместо этого сохранила письмо вместе с вложением в отдельную папку и написала Зое:

«Завтра нужно проверить все документы по поставке. Нам прислали акт с моей подписью. Я его не подписывала».

Затем составила ответ Виктории. Постаралась перечислить факты, не переходя к обвинениям и угрозам.

«Виктория, предоставленный документ мной не подписывался. Указанное в нем количество оборудования не соответствует фактически полученному. Прошу сообщить, кем, когда и на каком основании был оформлен данный акт. До выяснения обстоятельств центр не подтверждает получение оставшихся восьми комплектов».

Я несколько раз перечитала текст.

Отправила.

Потом открыла папку с документами на развод.

Там лежало соглашение, которое принес Артем. Рядом — выписки и старые платежные поручения.

До этого письма мне казалось, что я хотя бы понимаю, почему распался наш брак: Артем встретил другую женщину, разлюбил меня и захотел новую семью.

Это было больно, унижительно, но хотя бы понятно.

Теперь я смотрела на документ с поддельной подписью и пыталась разобраться, почему Артем так настойчиво просил меня подтвердить поставку, которой не было.

Возможно, он просто выполнял чью-то просьбу.

Возможно, не знал, что акт уже оформили.

Я не собиралась делать выводы без доказательств.

Но впервые за сутки меня испугало не то, что муж собирался забрать наш дом.

Я подумала о том, что слишком долго доверяла человеку, который привык решать за меня.

И теперь не знала, где заканчиваются его семейные решения и начинаются служебные.

В половине двенадцатого раздался звонок.

Артем.

Я посмотрела на экран, но трубку не взяла.

Он перезвонил.

Потом еще раз.

Наконец пришло сообщение:

«Марина, немедленно удали письмо Виктории. Ты не понимаешь, во что лезешь».

Я прочитала его и почувствовала, как похолодели пальцы.

Не из-за самого предупреждения.

Из-за того, что Артем уже знал о моем письме.

Я сделала снимок экрана и сохранила его вместе с документами.

После этого написала мужу:

«Если тебе есть что объяснить, обращай к моему адвокату. Ложные документы я подписывать не буду».

Он ответил почти мгновенно.

«Не испытывай мое терпение».

Я посмотрела на эти слова.

Раньше после них я начинала искать способ помириться.

Теперь закрыла переписку и выключила звук.

Я больше не служила у генерала Волкова.

И собиралась сделать все, чтобы никогда к этому не возвращаться.

Глава 2. Жена, которой больше нет

Утром Артем прислал мне номер телефона своей помощницы.

Без приветствия, без объяснений. Просто контакт и сообщение:

«По вопросам центра теперь связывайся с Оксаной. Вчера ты повела себя недопустимо».

Я сидела на краю кровати и пыталась застегнуть молнию на дорожной сумке. Вещей оказалось больше, чем я рассчитывала. Особенно обуви. За двадцать три года замужества я собрала целую коллекцию туфель, которые надевала на приемы, официальные ужины и прочие мероприятия, где от жены генерала требовалось красиво стоять рядом с мужем.

Полезной эту коллекцию я назвать не могла.

Зато сейчас у меня было три пары удобных ботинок, в которых можно было ходить по городу, и ни одних нормальных кроссовок.

Я посмотрела на сообщение Артема.

Раньше он пользовался помощниками на службе, а дома любые вопросы решала я. Врач для матери, билеты, ремонт, подарки коллегам, организация праздников. Даже поздравления некоторым его знакомым писала я, а он потом отправлял их от своего имени.

Теперь у него была Оксана. Что ж, отлично.

Я сохранила номер и ответила:

«По вопросам центра буду взаимодействовать с компанией напрямую. Личные вопросы решай самостоятельно».

Муж начал печатать ответ, но так ничего и не прислал. Я положила телефон экраном вниз.

Сегодня мне предстояло подписать договор аренды, перевезти вещи и разобраться с документом, на котором кто-то поставил мою подпись.

На переживания из-за мужского недовольства времени не оставалось.

Зоя приехала в центр раньше меня.

Когда я вошла в кабинет, она уже сидела за моим компьютером и просматривала журнал поставок.

— Привет, — сказала я.

— И тебе доброе утро. Кофе будешь?

— Буду.

— Тогда садись. Я тут кое-что нашла.

Она развернула ко мне экран.

На нем была открыта таблица, которую мы вели для учета оборудования.

— Последние шесть комплектов поступили две недели назад, — сказала Зоя. — Вот накладная, вот номера, вот расписались наши сотрудники. Все правильно.

— А остальные?

— Вчера я запросила у склада подрядчика информацию. Они прислали подтверждение, что вся партия якобы отправлена.

— Куда?

— Вот это самое интересное.

Она открыла письмо.

Адрес доставки был указан правильно. Название нашего центра тоже. А вот контактным лицом значилась неизвестная мне женщина.

— Кто такая Лариса Павловна Михеева? — спросила я.

— Понятия не имею. У нас такая никогда не работала.

Я наклонилась к монитору.

— Может, сотрудница транспортной компании?

— Может. Только здесь она записана представителем получателя.

Я перечитала документ.

Четырнадцать комплектов.

Дата отправки совпадала с датой подложного акта. Получалось, по бумагам вся партия давно была передана нашему центру.

— Ты кому-нибудь звонила? — спросила я.

— Пока нет. Ждала тебя.

Я села за стол.

— Давай сначала проверим фактические поставки. Все шесть комплектов на месте?

— Да. Два уже переданы специалистам, четыре находятся в реабилитационных кабинетах. Все номера совпадают.

— Хорошо. А этот документ сохраним отдельно.

Зоя посмотрела на меня поверх очков.

— Марина, ты понимаешь, что это может быть серьезно?

— Понимаю.

— И твой муж здесь каким боком?

Я вспомнила, как Артем требовал подписать акт.

— Пока не знаю.

— Он же знаком с руководством «Северного контура»?

— Знаком. Они участвовали в нескольких проектах, связанных с его управлением. Но это не значит, что он имеет отношение к нашим бумагам.

— Ты его защищаешь?

— Нет. Я не хочу обвинять человека в том, чего пока не могу доказать.

Зоя откинулась на спинку кресла.

— Ладно. Это разумно. Но вчера ты написала Виктории и в тот же вечер получила угрозы от мужа. Мне такое сочетание не нравится.

— Мне тоже.

Я открыла почту.

Виктория ответила в семь сорок утра.

«Марина Сергеевна, документ был подготовлен бухгалтерией на основании сведений о завершённой поставке. Мы уточняем обстоятельства его оформления. Просим пока воздержаться от дальнейшей переписки с третьими лицами во избежание недоразумений».

Я показала письмо Зое.

Она прочитала и хмыкнула.

— Какие еще третьи лица? Мы заказчик оборудования. Кто, по их мнению, должен разбираться с поставкой?

— Не знаю.

— Слушай, а ты не думаешь, что Виктория решила, будто ты назло ей устроила проверку?

— Возможно.

— Тогда она крупно ошибается.

Я убрала письмо в отдельную папку.

— Мне сейчас совершенно все равно, что Виктория обо мне думает. Я хочу получить оборудование для людей, которые его ждут, и понять, откуда взялась моя подпись.

Зоя кивнула.

— Вот это уже разговор.

В дверь постучали.

Появилась Люба.

— Марина Сергеевна, к вам Егорова. Она по поводу занятий дочери. Можно?

— Конечно.

В кабинет вошла невысокая женщина лет тридцати пяти. Светлые волосы собраны в хвост, на плече большая сумка, из которой выглядывала детская бутылка с водой.

Я узнала Валентину Егорову.

Ее муж после тяжелой травмы проходил длительную реабилитацию, а она сама работала и воспитывала двух дочерей. Младшей требовалась помощь психолога, поскольку девочка тяжело переживала произошедшее с отцом.

— Здравствуйте, Марина Сергеевна, — сказала Валентина. — Простите, что без записи.

— Ничего страшного. Проходите.

Она села и положила на колени папку.

— Вы мне в прошлый раз говорили, что можно будет получить дополнительные занятия. Я документы принесла.

Я взяла бумаги.

Мы обсудили расписание, необходимые заключения и возможность перевести часть занятий на вечер, чтобы Валентине не приходилось постоянно отпрашиваться с работы.

Разговор занял почти двадцать минут.

Когда женщина собралась уходить, она вдруг остановилась возле двери.

— Марина Сергеевна, можно я вам кое-что скажу?

— Конечно.

— Вы только не обижайтесь.

Я удивилась.

— На что?

— Вы сегодня какая-то совсем усталая. У вас все нормально?

Зоя демонстративно уткнулась в свои бумаги.

— Просто немного сложная неделя, — ответила я.

Валентина кивнула.

— Понятно. Знаете, вы нам тогда очень помогли. Когда муж вернулся из больницы, я вообще не понимала, куда идти и что делать. А вы все объяснили. Если вдруг вам самой понадобится помощь, у меня брат грузоперевозками занимается. Может, мебель перевезти или что-нибудь такое. Вы только скажите.

Я неожиданно почувствовала, как к горлу подступают слезы.

— Спасибо, Валентина.

— Я серьезно.

— Верю.

Она улыбнулась и вышла.

Зоя дождалась, пока дверь закроется.

— Вот видишь? — сказала она.

— Что?

— Не только твой генерал умеет быть важным человеком.

Я посмотрела на оставленную Валентиной папку.

— Зой, не надо.

— А я ничего. Просто напоминаю, что существует жизнь и за пределами его генеральской квартиры.

— Дома, — поправила я.

— Что?

— Генеральского дома. Квартиру я теперь снимаю.

Зоя внимательно посмотрела на меня.

— Ты уже решила?

— Сегодня подписываю договор.

— Тогда после работы едем за вещами.

— Я справлюсь.

— Марина!

— Хорошо, едем вместе.

Она удовлетворенно кивнула.

В обед позвонила свекровь.

Софья Павловна была женщиной непростой. После смерти мужа она жила одна в трехкомнатной квартире, отказывалась переезжать к нам, не доверяла доставке продуктов и считала, что хороший врач обязательно должен иметь седые волосы.

Наши отношения никогда нельзя было назвать особенно теплыми. Она любила сына и считала его почти безупречным человеком. Но за годы я привыкла к ней, а она ко мне.

— Марина, здравствуй, — сказала свекровь. — Ты мне не напомнишь, во сколько у меня завтра кардиолог?

Я посмотрела на календарь.

— В одиннадцать тридцать. Клиника на Садовой, третий этаж. Доктора зовут Николай Сергеевич.

— А ты меня забереешь в десять?

Я замолчала.

Обычно именно я отвозила ее к врачам.

Артем за последние пять лет сделал это раза два, не больше. Остальное время он был занят.

— Софья Павловна, я сегодня переезжаю, — сказала я.

— Куда это ты переезжаешь?

— В квартиру.

— Какую квартиру?

Я выдохнула.

— Мы с Артемом разводимся.

Свекровь замолчала.

Потом спросила:

— Поссорились?

— Нет. Он решил уйти к другой женщине.

Я услышала, как она что-то передвинула на столе.

— Ты уверена?

— Да.

— Сам сказал?

— Сам.

Она помолчала еще немного.

— А мне ничего не сообщил.

— Наверное, собирается.

— У него всегда находилось время сообщать мне о важных вещах. По крайней мере, раньше.

Я не знала, что ответить.

— Софья Павловна, насчет врача. Я могу вызвать вам машину, но завтра у меня рабочие встречи, лично приехать не получится. Давайте я запишу Артему все данные, чтобы он вас отвез.

— Не надо ему писать.

— Почему?

— Я сама с сыном разговаривать умею.

Она произнесла это неожиданно твердо.

— Хорошо.

— Марина, а ты сама как?

Я прислонилась к спинке кресла.

— Пока не очень.

— Понимаю.

Я сомневалась, что она действительно понимает. Но спорить не стала.

— Ты только документы свои не теряй, — добавила свекровь. — И ничего ему просто так не отдавай.

Я удивилась.

— Вы это серьезно?

— Конечно. Мой сын бывает упрямым человеком. И иногда слишком уверен, что остальные обязаны с ним соглашаться.

Я впервые за многие годы услышала от нее что-то похожее на критику Артема.

— Спасибо, Софья Павловна.

— Не за что. Врача я сама посещу. Ты занимайся своими делами.

Она положила трубку. Через пять минут позвонил муж, и я невольно усмехнулась: этого следовало ожидать.

— Ты зачем матери все рассказала? — спросил он вместо приветствия.

— Она позвонила узнать, кто отвезет ее к кардиологу.

— И обязательно нужно было сообщать о разводе?

— Артем, ты объявил мне о разводе позавчера. Как долго я должна делать вид, что ничего не произошло?

— Могла бы хотя бы дать мне самому поговорить с матерью.

— У тебя было два дня.

— Я занят.

— Знаю.

— И что теперь с ее врачом?

— Прием завтра в одиннадцать тридцать. Садовая, сорок два, третий этаж. Доктор Николай Сергеевич Баранов. Номер клиники у тебя есть, я отправляла его две недели назад.

— Я завтра не могу.

— Тогда договорись с водителем или попроси кого-нибудь помочь.

— Марина, у меня с утра совещание!

Я посмотрела на часы.

До следующей рабочей встречи оставалось пятнадцать минут.

— Артем, ты сейчас кричишь на меня из-за того, что тебе нужно организовать поездку собственной матери к врачу?

— Я не кричу.

— Хорошо. Тогда разговаривай спокойно.

Он помолчал.

— Ты всегда этим занималась.

— Да. А теперь мы разводимся.

— Не нужно превращать развод в мелочную месть.

— Я сообщила тебе адрес, время приема и фамилию врача. Что еще я должна сделать?

— Ничего, — резко ответил он. — Сам разберусь.

— Отлично.

Закончив разговор, я еще несколько секунд смотрела на телефон. Хотелось перезвонить и сказать, что я сама закажу машину, предупрежу администратора клиники и попрошу встретить Софью Павловну у входа.

На все это ушло бы минут десять.

Раньше я даже не задумывалась.

Теперь сдержалась.

Софья Павловна была взрослой, вполне самостоятельной женщиной. Артем тоже. Им предстояло научиться договариваться друг с другом без моего постоянного участия.

От этой мысли мне стало не столько легче, сколько непривычно.

Договор аренды мы подписали в половине третьего.

Хозяйку квартиры звали Инна Павловна.

Она оказалась аккуратной женщиной лет шестидесяти, которая первым делом показала мне, где перекрывается вода, и попросила не курить на балконе.

— Соседи жалуются, — объяснила она. — Предыдущий жилец постоянно дымил, а потом говорил, что это не он.

— Я не курю.

— Вот и прекрасно.

Мы вместе проверили бытовую технику, записали показания счетчиков, сфотографировали состояние квартиры и подписали акт передачи.

Елена Савина заранее изучила договор и предложила изменить несколько пунктов. Хозяйка согласилась без возражений.

За первый месяц, залог и услуги агента я заплатила чуть больше двухсот тысяч рублей.

Сумма получилась неприятная.

Я посмотрела на остаток счета и впервые серьезно задумалась о том, сколько мне потребуется зарабатывать, чтобы сохранять независимость.

Зарплата в центре покрывала лишь часть будущих расходов. Если я не хотела быстро потратить накопления, требовалась дополнительная работа. Крупные покупки пока придется отложить.

Я даже знала, с чего начать.

Еще весной мне предлагали консультировать небольшую некоммерческую организацию по финансовому планированию. Тогда я отказалась, потому что Артем не хотел, чтобы я возвращалась домой позже семи.

Теперь согласовать это предложение было не с кем.

И меня это вполне устраивало.

— Марина Сергеевна, вам ключи, — сказала Инна Павловна.

Она положила на стол две связки обычных металлических ключей с синими пластиковыми брелоками. Я взяла их.

В нашем большом доме у меня была собственная спальня, кабинет, гардеробная и прекрасная кухня.

Здесь все помещалось на шестидесяти квадратных метрах.

Но впервые за долгое время никто не собирался указывать мне, когда возвращаться, чем заниматься и кого приглашать.

— Нравится? — спросила хозяйка.

— Да, — ответила я. — Очень.

Зоя приехала к нашему дому около пяти.

Я ждала ее у ворот.

На заднем сиденье ее машины лежали складные коробки, большой рулон упаковочной пленки и пакет с пирожками.

— На случай, если ты опять ничего не ела, — объяснила она.

— Я обедала.

— Отлично. Тогда пирожки съедим вечером.

Мы вошли в дом.

На первом этаже работала домработница Светлана. Она приходила к нам дважды в неделю и занималась уборкой.

Увидев коробки, она растерялась.

— Марина Сергеевна, вы куда-то уезжаете?

— Переезжаю, Свет.

— Надолго?

— Пока не знаю.

Она посмотрела на Зою, потом снова на меня.

— А Артем Викторович знает?

— Знает.

— Мне он ничего не говорил.

— Это теперь лучше уточнять у него.

Светлана опустила глаза.

Я поняла, что поставила ее в неловкое положение. Она работала у нас почти восемь лет, и мы всегда хорошо ладили.

— Свет, послушайте, — сказала я. — Я очень благодарна вам за все. Просто дальше вопросы работы в доме придется решать с Артемом. Он будет оплачивать ваши услуги и договариваться о графике.

— А вы больше не вернетесь?

Я не сразу ответила.

— Не знаю.

Она кивнула.

— Мне очень жаль.

— Спасибо.

Я поднялась наверх.

Зоя пошла следом.

Первым делом мы собрали документы и личные вещи. Елена Савина посоветовала мне сохранить фотографии состояния комнат и мебели, но не вывозить спорное имущество без согласования.

Поэтому шкафы с посудой, картины, бытовая техника и мебель остались на местах.

Я взяла одежду, украшения, свои рабочие материалы, семейные фотографии, личные документы и несколько вещей, доставшихся от матери.

Когда дошла до шкатулки с украшениями, остановилась.

Внутри лежали золотые серьги, которые Артем подарил мне на десятую годовщину свадьбы.

Рядом — тонкая цепочка от мамы.

Я взяла цепочку, а серьги оставила лежать в шкатулке.

— Забирай, — сказала Зоя.

— Не знаю.

— Марина, это твой подарок. Ты не обязана оставлять его следующей жене.

Я положила серьги в маленький мешочек.

— Просто не хочу сейчас об этом думать.

— Тогда не думай. Собирай.

Она передала мне следующую коробку.

Мы работали почти час.

Я нашла школьные тетради Веры, старую фотографию нашей первой квартиры и открытку, которую Артем прислал мне из командировки много лет назад.

«Скучаю по вам. Скоро вернусь. Люблю».

На открытке было нарисовано море.

Я долго держала ее в руках.

— Что там? — спросила Зоя.

— Старое письмо.

— Хочешь забрать?

— Да.

Я убрала открытку между страницами альбома. Вернуть прошлое не надеялась, но и уничтожать двадцать три года своей жизни из-за того, как они закончились, не хотела.

Когда мы спустили последнюю коробку, входная дверь открылась.

Вернулся Артем — в темно-зеленом кителе с генеральскими погонами, с аккуратно застегнутым воротником, в тяжелых ботинках.

Раньше я любила, когда он приходил домой в форме. Мне нравилось, как он выглядел, как держался, как уверенно разговаривал.

Теперь я заметила только то, что он вошел прямо в гостиную, не сняв обувь.

— Что здесь происходит? — спросил он.

Зоя выпрямилась.

— Добрый вечер, Артем Викторович.

Он посмотрел на нее.

— Здравствуйте, Зоя Николаевна. Марина, что за коробки?

— Мои вещи.

— Ты действительно съезжаешь?

— Да.

— Я думал, ты сначала успокоишься.

Зоя закатила глаза, отвернувшись от Артема.

Я едва удержалась от улыбки.

— Артем, я же вчера сказала, что нашла квартиру.

— И где?

— Это не имеет значения.

Он нахмурился.

— Как это не имеет значения? Мне нужно знать, где ты будешь жить.

— Зачем?

— Марина, не задавай глупых вопросов.

— Я серьезно спрашиваю.

Он посмотрел на Зою.

— Может быть, вы оставите нас на несколько минут?

Она перевела взгляд на меня.

Я кивнула.

— Зой, подожди, пожалуйста, возле машины.

— Конечно. Я пирожки проверю.

Когда она вышла, Артем закрыл дверь.

— Ты специально устроила этот спектакль при посторонних?

Я посмотрела на коробки.

— Какой спектакль?

— Демонстративно собираешь вещи, зовешь свидетелей.

— Зоя помогает мне с переездом.

— Могла бы попросить водителя.

— Твоего?

— Хотя бы.

— Артем, я больше не собираюсь пользоваться твоими служебными возможностями для личных дел.

Он раздраженно усмехнулся.

— Раньше тебя все устраивало.

— До нашего разговора я не знала, что ты год живешь на две семьи.

— Не начинай заново.

Я подняла коробку с книгами.

— Тогда дай мне закончить.

Муж перегородил проход.

— Подожди. Нам надо обсудить завтрашний прием.

Я даже растерялась.

— Какой прием?

— Благотворительный вечер у Орлова. Ты же занималась приглашениями.

Я вспомнила.

Почти месяц назад предприниматель Андрей Павлович Орлов предложил организовать закрытую встречу потенциальных благотворителей. Мы собирались представить работу нескольких реабилитационных проектов и обсудить финансирование на следующий год.

Артем тоже должен был присутствовать как приглашенный гость. Для него это была возможность поддержать отношения с людьми, которые занимались строительством и промышленными поставками.

Я составила предварительную программу, согласовала список участников и передала все организаторам.

— Прием завтра в семь, — сказала я. — Тебе присылали приглашение.

— Я знаю, во сколько прием. Где список гостей?

— В общей папке. Я тебе отправляла ссылку.

— Там нет информации по некоторым людям.

— Какой именно?

— Орлов пригласил председателя попечительского совета. Мне нужно знать, кто его сопровождает, с кем он знаком и о чем с ним лучше говорить.

Я посмотрела на мужа.

— Артем, ты можешь просто познакомиться с человеком и поговорить с ним.

— Мне не нужны советы, как разговаривать с людьми.

— Тогда в чем проблема?

— Раньше ты готовила мне все сведения заранее.

— Раньше я была твоей женой и сопровождала тебя на мероприятиях.

— И что теперь?

— Теперь я не буду этого делать.

Он несколько секунд молчал.

— Ты собираешься поставить меня в неловкое положение?

— Почему? Тебя пригласили как самостоятельного человека. Ты генерал, Артем. У тебя помощница, секретариат, сотрудники. Попроси подготовить необходимые сведения.

— Оксана не знает этих людей.

— Значит, познакомится.

Он потер лоб.

— Ты даже не представляешь, сколько у меня сейчас проблем.

Я посмотрела на коробку в своих руках.

— Представляю, что некоторые из них можно решить обычным телефонным звонком.

— Очень смешно.

— Я не шучу.

Он отошел от двери.

Я направилась к выходу, но муж снова заговорил:

— Мать сегодня позвонила мне три раза. Ты могла бы хотя бы с ней не прекращать общение.

Я остановилась.

— Я не прекращала с ней общение. Мы разговаривали сегодня.

— И почему тогда она требует, чтобы я отвез ее к врачу?

— Потому что ты ее сын.

— Я не могу бросить работу ради каждого приема!

— Тогда вызови ей машину.

— Она не хочет ехать одна.

— Договорись с водителем. Или поезжай сам. Или перенеси совещание на час. Ты ведь сам всегда говорил, что сложные вопросы умеешь решать.

Он посмотрел на меня с таким удивлением, будто впервые услышал собственные слова со стороны.

— Ты стала совершенно другой.

— Нет, Артем. Я просто перестала делать то, что раньше делала за тебя.

Я прошла мимо него.

Он не остановил.

Мы закончили грузить коробки в половине седьмого.

Зоя привезла вместительный автомобиль, но все равно пришлось несколько раз переставлять вещи. В багажник едва поместились два чемодана и коробка с книгами.

Светлана вышла проводить меня.

Она протянула маленький пакет.

— Марина Сергеевна, тут ваши чайные чашки. Те, что с синими цветами. Я помню, вам их мама дарила.

Я взяла пакет.

Чашки действительно принадлежали маме. Старый фарфоровый сервиз на две персоны. Я много лет хранила его в кухонном шкафу и доставала только для себя.

— Спасибо, Свет.

Она крепко обняла меня.

— Если что понадобится, позвоните.

— Обязательно.

Артем стоял на крыльце.

За все время, пока мы переносили вещи, он ни разу не предложил помочь.

Когда я подошла к своей машине, он спустился.

— Ты оставляешь ключи?

— Нет.

— Почему?

— Потому что дом остается общим имуществом до решения вопроса о разделе. Я не отказываюсь от права пользоваться им.

— Ты же сама сказала, что съезжаешь.

— Съезжаю. Ключи сохраняю. Мой адвокат объяснит тебе остальное.

Он усмехнулся.

— Теперь у тебя на все один ответ. Мой адвокат.

— Очень удобный ответ, — согласилась я.

Муж посмотрел на Зою, которая уже сидела за рулем своей машины.

— Она в курсе всего?

— Да.

— Прекрасно. Завтра об этом будет знать половина города.

Я устало посмотрела на него.

— Артем, ты сам ушел к другой женщине. Ее знают твои коллеги, сотрудники компании, общие знакомые. Ты привел ее сюда. И теперь переживаешь, что кто-то узнает о разводе?

— Есть вещи, которые не принято выносить из семьи.

— Из какой именно?

Он стиснул зубы.

Я открыла дверь автомобиля.

— Пока, Артем.

— Марина.

Я обернулась.

— Что?

Он немного помолчал.

— Не думай, что я не понимаю, как тебе сейчас тяжело.

Эти слова удивили меня больше, чем все его вчерашние обвинения.

Я даже надеялась, что он извинится, признает свою жестокость или хотя бы спросит, есть ли у меня деньги на первое время.

Но Артем продолжил:

— Просто ты сама все усложняешь. Если бы ты спокойно приняла ситуацию, мы могли бы остаться нормальными людьми и помогать друг другу.

Я положила руку на дверь.

— Ты хочешь, чтобы я продолжала тебе помогать?

— Мы столько лет вместе прожили.

— Именно поэтому я больше не хочу.

Он отвернулся.

Я села за руль.

Завела машину и выехала со двора.

Когда ворота закрылись, я остановилась у обочины.

Зоя притормозила рядом и опустила стекло.

— Марин, все нормально?

Я кивнула.

— Да.

— Уверена?

— Не очень. Но поехали.

Она не стала спрашивать.

Мы выехали на дорогу.

Я смотрела вперед и старалась не думать о том, что больше не знаю, когда вернусь в дом, который столько лет считала своим.

В новую квартиру мы попали около восьми.

Лифт оказался небольшим, поэтому коробки поднимали в несколько заходов.

Зоя сразу занялась кухней.

Поставила чайник, нашла тарелки, разложила пирожки.

— Ты почему так мало посуды взяла? — спросила она.

— Больше не нужно.

— Две чашки, три тарелки, одна кастрюля. Ты что, в студенческое общежитие переехала?

— Почти.

— Ладно. Завтра купим нормальную сковородку.

— У меня есть сковородка.

— Это не сковородка, Марина. Это маленькая алюминиевая крышка с ручкой.

Я засмеялась.

Зоя поставила передо мной тарелку.

— Ешь.

За кухонным столом мы разговаривали о самых обычных вещах: какие шторы повесить, где купить недорогой стеллаж, стоит ли ставить на балконе кресло.

Потом Зоя неожиданно спросила:

— А ты вообще давно в последний раз выбирала что-нибудь только для себя?

Я задумалась.

— Платье на день рождения.

— Не считается. Ты его ведь для ужина с Артемом покупала?

Я кивнула.

— Тогда другой пример.

Я попыталась вспомнить.

Каждый раз находилась причина, по которой мои покупки так или иначе были связаны с мужем, дочерью или домом.

Даже отпуск мы выбирали исходя из графика Артема.

Когда Вера была маленькой, я мечтала провести неделю в Италии. Просто гулять, смотреть старые города, сидеть в маленьких кафе.

Артем сказал, что это бессмысленная трата денег.

Позже мы могли позволить себе любые поездки, но он предпочитал знакомые курорты и хорошие отели, где ему не приходилось много ходить.

В Италию я так и не съездила.

— Не помню, — честно ответила я.

Зоя отломил кусочек пирожка.

— Тогда начни с чего-нибудь небольшого.

— Например?

— Купи себе хорошую сковородку. И никого не спрашивай.

Я снова рассмеялась.

— Ты удивительно романтичный человек.

— Зато практичный.

Она осталась еще на час.

Мы разобрали постельное белье, расставили книги и нашли место для маминого сервиза.

Перед уходом Зоя обняла меня.

— Позвони, если станет совсем плохо.

— Позвоню.

— И телефон Артема ночью не бери.

— Постараюсь.

— Не старайся. Просто не бери.

Когда дверь закрылась, я впервые осталась одна.

В квартире было тихо.

На кухне работал холодильник. За окном иногда проезжали машины. От соседей сверху доносились шаги.

Я прошла по квартире: спальня, небольшая гостиная, совмещенная с кухней, ванная, коридор.

Ни огромной гардеробной, ни гостевых комнат, ни террасы.

Зато все было чистым, светлым и удобным.

Я села на диван.

Впервые за день мне не нужно было куда ехать и ничего решать.

И именно тогда стало по-настоящему страшно. Дело было не в деньгах и не в возрасте — я просто не знала, кто я теперь. Столько лет я была женой генерала, хозяйкой большого дома, женщиной, которая каждое утро готовит мужу кофе и напоминает ему о важных встречах. В одиночестве эти привычные роли больше не помогали.

Сорок четыре года.

Двадцать три из них я прожила рядом с Артемом.

И теперь у меня были съемная квартира, работа, дочь в другом городе и телефон, на который продолжали приходить сообщения от человека, больше не желавшего быть моим мужем.

Я достала альбом.

Нашла фотографию с собственной свадьбы.

На ней Артем держал меня за талию. Молодой, красивый, счастливый. Я смотрела на него так, будто впереди у нас не могло быть ничего плохого.

Я провела пальцем по уголку снимка.

Мне очень захотелось позвонить маме.

Она бы сказала, что все наладится.

Потом спросила, ела ли я сегодня, и предложила приехать пожить у нее.

Но мамы не было уже шестнадцать лет.

Я закрыла альбом.

В ванной умылась холодной водой, переоделась и легла.

Спать не получалось.

Я несколько раз проверяла, закрыта ли входная дверь. Потом встала попить воды.

В половине двенадцатого телефон завибрировал.

Артем.

Я посмотрела на экран и вспомнила слова Зои.

Не братъ.

Телефон перестал звонить.

Через минуту пришло сообщение:

«Марина, где у нас документы по обслуживанию котельной? Завтра должен приехать мастер».

Я села на кровати.

Вот что оказалось для него важным после моего переезда: документы на котельную. Он не спросил, как я добралась, нужно ли мне что-нибудь, и не извинился за то, что произошло.

Я открыла переписку.

Написала:

«Договор с обслуживающей организацией в синей папке, нижний ящик шкафа в кабинете. Номер мастера прикреплен к договору».

Положила телефон.

Через три минуты новый звонок.

Я ответила.

— Марина, там три синие папки! — раздраженно сообщил Артем.

— Нужная подписана «Дом. Инженерные системы».

— А сразу нельзя было сказать?

Я закрыла глаза.

— Артем, сейчас почти полночь.

— У меня завтра с утра мастер приезжает. Он спрашивает, когда был последний осмотр.

— В апреле.

— Почему я об этом не знаю?

— Потому что ты ни разу не интересовался.

— Опять начинаешь!

— Нет. Просто отвечаю на вопрос.

Он что-то передвинул на своей стороне.

— Ладно. Нашел. А почему договор оформлен на твое имя?

— Потому что я его заключала.

— И что мне теперь делать?

— Позвонить в компанию и переоформить контактное лицо. Или заключить новый договор.

— Ты понимаешь, что создаешь мне кучу проблем?

Я посмотрела на часы.

Двенадцать без десяти.

— Артем, у тебя большая зарплата, водитель, помощница и собственный телефон. Ты вполне способен договориться с мастером по обслуживанию котла.

Он замолчал.

Потом сказал:

— Тебе нравится наблюдать, как я со всем этим разбираюсь?

— Нет.

— Тогда почему ты не можешь просто помочь?

— Я только что сказала, где лежит договор, когда проводили осмотр и что нужно сделать.

Разве это не помощь?

— Ты прекрасно понимаешь, что я имею в виду.

— Да. Ты хочешь, чтобы я все сделала сама.

— Раньше это не было проблемой.

— Раньше мы были семьей.

Тишина.

Я услышала, как муж тяжело дышит.

Потом он произнес:

— Я двадцать три года обеспечивал тебе жизнь, о которой многие женщины мечтают.

Я устало потеряла лицо.

— Артем, давай закончим.

— Нет, подожди. Мне надоело слушать, что ты якобы все делала сама. Кто платил за этот дом? Кто покупал машины? Кто обеспечивал тебя всем необходимым?

— Ты.

— Вот именно!

— А я занималась остальным.

— Каким остальным? — резко спросил он. — Ты сидела дома, встречалась с подругами и занималась своим благотворительным центром. Тоже мне работа.

Я посмотрела на свои руки.

На безымянном пальце осталась светлая полоска от обручального кольца. Я сняла его вчера вечером, перед тем как лечь спать.

— Знаешь что, Артем?

— Что?

— Ты прав. Наверное, я действительно ничего особенного не делала.

Он не сразу ответил.

— Рад, что ты наконец это признала.

— Поэтому тебе будет совершенно нетрудно справиться без меня.

Я отключила звонок.

Через секунду он позвонил снова.

Я включила беззвучный режим.

Убрала телефон в ящик прикроватной тумбочки и легла.
На этот раз уснула почти сразу.

На следующее утро я проснулась от будильника.

Было семь тридцать.

Никому не нужно было готовить завтрак.

Никто не просил найти носки, рубашку или документы.

Я сварила кофе, сделала себе омлет и открыла рабочий календарь.

В десять у нас была встреча с представителями партнерской организации.

В двенадцать — обсуждение бюджета.

В три — звонок с потенциальным новым заказчиком, которому требовалось финансовое сопровождение.

Я выбрала темные брюки, светлую блузку и невысокие туфли.

Перед зеркалом задержалась чуть дольше обычного.

Последние годы Артем часто говорил, что мне стоит одеваться сдержаннее.

«Ты же жена генерала, Марина. Не надо выглядеть как девочка».

Сегодня я накрасила губы яркой помадой — красивого ягодного оттенка, который давно мне нравился.

Никто не высказал замечаний.

И от этого я почему-то улыбнулась.

В центре меня ждала неприятная новость.

Поставщик так и не представил объяснений по подложному акту.

Зато его юридический отдел прислал письмо с требованием подтвердить отсутствие претензий по договору.

Я прочитала документ вместе с Зоей.

— Они серьезно? — спросила она.

— Похоже.

— Мы им пишем, что не получали восемь комплектов. А они отвечают, что никаких претензий быть не должно.

— Тогда направим официальный ответ.

Я набрала номер Елены Савиной.

Адвокат внимательно выслушала меня и попросила переслать документы.

— Марина Сергеевна, пока действуйте только письменно, — сказала она. — Сохраните оригиналы писем, все вложения и переписку. Вопрос с подписью нужно изучить отдельно. Не обсуждайте его по телефону с представителями компании и тем более с супругом.

— Вы думаете, это может быть связано с его работой?

— Я пока ничего не думаю. У нас недостаточно сведений. Но если документ действительно оформлен без вашего участия, это серьезное обстоятельство.

Мы договорились встретиться на следующей неделе.

Я положила трубку.

Зоя сидела напротив, скрестив руки.

— Ну?

— Будем действовать официально.

— Мне нравится твоя новая привычка.

— Какая?

— Не бросаться решать чужие проблемы только потому, что кто-то громко требует.

Я улыбнулась.

— Мне самой нравится.

Около четырех позвонил неизвестный номер.

Я ответила, думая, что это новый клиент.

— Марина Сергеевна? Добрый день. Андрей Павлович Орлов.

Я выпрямилась.

— Андрей Павлович, здравствуйте.

— Удобно говорить?

— Да, конечно.

— Я хотел уточнить один момент по сегодняшнему вечеру. Вы будете присутствовать?

Я задумалась.

Благотворительная встреча действительно проходила сегодня. Раньше я собиралась сопровождать Артема, но после его признания о разводе даже не открывала приглашение.

— Нет, Андрей Павлович. Сегодня не получится.

— Что-то случилось?

— У меня изменились личные обстоятельства.

Он помолчал.

— Понимаю. Артем Викторович сказал, что у вас семейные дела.

Я напряглась.

— Он звонил вам?

— Да. Хотел уточнить состав гостей и программу. Насколько я понял, у него не оказалось последних материалов.

Я вспомнила вчерашний разговор.

— Я передавала все организаторам. Если потребуется, могу продублировать на вашу почту.

— Не нужно, материалы у нас есть. Просто хотел сказать, что ваше присутствие было бы полезно. Мы собирались обсуждать финансирование именно тех проектов, которые ведет ваш центр.

Я задумалась.

Действительно, на вечере планировалось представить программу расширения реабилитационной помощи. Мы готовили ее вместе с Зоей почти три месяца.

Отказываться от профессиональной возможности только потому, что там будет Артем, я не собиралась.

— Андрей Павлович, если речь идет о проекте центра, я могу приехать. Но только как его представитель.

— Разумеется. Я именно это и имел в виду.

— Тогда уточню у Зои.

— Буду рад вас видеть.

Я положила телефон.

Несколько секунд смотрела на экран.

Потом позвонила Зое.

— Скажи, пожалуйста, ты сегодня занята вечером?

— А что?

— Орлов приглашает нас представить проект.

Она присвистнула.

— Твой генерал там будет?

— Скорее всего.

— Марин, ты уверена?

Я посмотрела на календарь.

— В том, что хочу получить финансирование для центра? Абсолютно.

Вечером мы приехали вместе.

Встреча проходила в небольшом частном клубе, где Орлов часто собирал партнеров и представителей благотворительных организаций.

Я бывала там несколько раз.

На входе нас встретила девушка с планшетом.

— Марина Сергеевна, Зоя Николаевна, добрый вечер. Ваши бейджи готовы.

Мы получили бейджи.

На моем было написано:

«Марина Волкова. Финансовый руководитель центра "Точка опоры"».

Ни слова о генеральском звании мужа.

Мне понравилось.

Зоя заметила мою улыбку.

— Что?

— Ничего. Просто хороший бейдж.

Она посмотрела на него.

— Да уж. Фамилия та же, а настроение другое.

Мы вошли в зал.

Артема я увидела почти сразу.

Он стоял возле высокого стола с двумя мужчинами в деловых костюмах. На нем был темный пиджак, белая рубашка и привычно строгое выражение лица.

Рядом находилась Виктория.

Она держала бокал с водой и что-то оживленно рассказывала собеседникам.

Когда Артем заметил нас, его лицо изменилось.

Он извинился перед гостями и направился ко мне.

— Марина, что ты здесь делаешь?

Я остановилась.

— Добрый вечер, Артем.

— Я спрашиваю, зачем ты приехала.

— Меня пригласил Андрей Павлович.

— Я думал, ты отказалась.

— Отказалась сопровождать тебя. Но получила приглашение от организатора как представитель центра.

Он посмотрел на мой бейдж.

— Ты могла хотя бы предупредить.

— Зачем?

— Потому что здесь серьезные люди. Не надо устраивать семейные сцены.

Я оглянулась.

— Я даже не подошла к тебе. Ты сам пришел.

Он открыл рот, но ничего не сказал.

Зоя очень вежливо улыбнулась.

— Артем Викторович, если позволите, нам нужно подготовиться к выступлению.

Мы прошли мимо.

Я оглянулась. Артем все еще смотрел нам вслед, а Виктория наблюдала за нами, стоя возле стола.

На этот раз она не улыбалась.

Наше выступление заняло семь минут.

Зоя рассказала о семьях, которым центр помог за последний год.

Я представила бюджет и предложила программу расширения реабилитационной помощи.

Мы хотели открыть два дополнительных кабинета, привлечь новых специалистов и обеспечить семьям возможность получать консультации без длительного ожидания.

Мне задавали вопросы.

Сколько стоит один курс?

Как контролируются расходы?

Какие результаты можно измерить?

Что будет, если привлеченного финансирования окажется меньше запланированного?

Я отвечала спокойно, по существу, с цифрами и примерами.

Я знала каждую строку нашего бюджета.

Андрей Павлович слушал внимательно. Несколько раз что-то записывал.

После выступления он подошел к нам.

— Хорошо подготовились, — сказал он. — Особенно понравилось, что вы предусмотрели разные варианты финансирования.

— Спасибо, — ответила я.

— Мне нужно обсудить расчеты с финансовым директором. Думаю, в течение недели дадим ответ.

Зоя улыбнулась.

— Будем признательны.

Он посмотрел на меня.

— Марина Сергеевна, вы давно занимаетесь финансовым сопровождением проектов?

— Почти пятнадцать лет, с перерывами.

— А коммерческие организации консультировали?

— Да. Раньше занималась бюджетированием и внутренней отчетностью.

— Интересно. У меня есть знакомые, которым как раз нужны специалисты по финансовому планированию. Если вы рассматриваете дополнительную работу, могу дать контакт.

Я удивилась.

— Рассматриваю.

— Тогда завтра пришлю.

Он улыбнулся и отошел к следующей группе гостей.

Зоя толкнула меня локтем.

— Слышала?

— Слышала.

— Вот. А ты говорила, что тебе будет трудно найти работу.

— Я такого не говорила.

— Ты об этом думала. У тебя все на лице было написано.

Я засмеялась.

И только тогда заметила Артема.

Он стоял у противоположной стены.

Один.

Виктория о чем-то разговаривала с женщиной в сером костюме, а муж смотрел в нашу сторону.

Я не знала, слышал ли он предложение Орлова.

Наверное, нет.

Но видел, что люди подходят ко мне, задают вопросы, благодарят.

И впервые за много лет все это происходило не потому, что я жена генерала Волкова.

К концу вечера я устала.

Мы с Зоей собирались уходить, когда Артем догнал нас в коридоре.

— Марина, на минуту.

Зоя посмотрела на меня.

— Я буду возле гардероба.

Я кивнула.

Муж дождался, пока она отойдет.

— Что ты сказала Орлову?

Я удивилась.

— О чем?

— Обо мне.

— Ничего.

— Не надо делать вид, что не понимаешь. Он весь вечер общался с тобой. А когда я подошел, разговаривал так, будто мы едва знакомы.

Я посмотрела на мужа.

— Артем, Андрей Павлович приглашал нас представить благотворительный проект. Мы его представили. Почему он разговаривал с тобой определенным образом, я не знаю.

Он провел ладонью по подбородку.

— Ты ведь понимаешь, что некоторые мои связи появились благодаря твоей работе?

Я даже не сразу нашлась с ответом.

— Какие именно?

— Тот же Орлов. Мы познакомились на вашем мероприятии.

— Да.

— И теперь ты хочешь настроить его против меня?

— Нет.

— Тогда почему он отказался обсуждать со мной совместный проект?

— Какой проект?

Артем замолчал.

— Неважно.

Я внимательно посмотрела на него.

— Если это касается нашего центра, я должна знать.

— Не касается.

— Тогда я ничем не могу помочь.

Он раздраженно усмехнулся.

— Конечно. Теперь ты только так и разговариваешь.

— Как?

— Будто мы чужие люди.

Я не ответила сразу.

Потому что именно это и было самым трудным.

Еще недавно Артем мог войти в мою комнату без стука, лечь рядом, попросить потереть ему плечи после тяжелого дня.

Я знала его привычки, его любимую еду, слабые места, страхи, о которых он никому не рассказывал.

Теперь он стоял напротив и смотрел на меня как на человека, который отказался выполнять поручение.

— Мы разводимся, Артем, — напомнила я.

— Не обязательно вести себя так, словно двадцати трех лет не было.

— Я помню все двадцать три года.

Он отвел взгляд.

Потом сказал тише:

— Знаешь, Вика считает, что ты специально пытаешься осложнить нам жизнь.
Я почувствовала неприятный укол.
— Вика много чего считает.
— Она тоже переживает.
— Наверное.
— Ей сейчас нельзя нервничать.
Я смотрела на него и ждала продолжения.
Он не заставил ждать.
— Поэтому я прошу тебя не появляться неожиданно там, где мы будем вместе.
Несколько секунд я молчала, а потом не удержалась и тихо рассмеялась.
— Что смешного? — нахмурился Артем.
— Ты серьезно считаешь, что я должна отказываться от работы, потому что твоей любви неприятно меня видеть?
— Не называй ее так.
— А как мне ее называть?
— Виктория — моя будущая жена.
Я посмотрела на мужа.
Потом медленно кивнула.
— Хорошо. Тогда передай своей будущей жене, что я не собираюсь менять рабочие планы ради ее удобства.
— Марина...
— И еще. В следующий раз, когда захочешь выяснить, почему кто-то не обсуждает с тобой деловые вопросы, спроси этого человека напрямую. Я больше не буду заниматься твоими отношениями с другими людьми.
Он побледнел от злости.
— Ты забываешься.
Раньше эта фраза могла испортить мне весь вечер.
Теперь я только поправила ремешок сумки.
— Нет, Артем. Я прекрасно помню, кто я.
Я прошла мимо него к гардеробу.
Зоя ждала меня с пальто в руках.
— Ну как? — спросила она.
— Домой хочу.
— Куда именно?
Я остановилась.
Потом улыбнулась.
— В свою квартиру.

По дороге мы почти не разговаривали.
Зоя включила тихую музыку, а я смотрела на освещенные витрины и прохожих.
В голове все еще звучали слова мужа.
«Вика считает, что ты специально пытаешься осложнить нам жизнь».
Его новая женщина ждала ребенка.
Я понимала, что ей действительно требовались спокойствие и забота. Я не собиралась причинять ей вред и совершенно не хотела участвовать в их семейных отношениях.
Но почему забота о Виктории должна была включать мое исчезновение?
Почему я обязана была оставить дом, отказаться от работы, от общих знакомых и даже от права присутствовать на благотворительном вечере?

Артем будто искренне не понимал, что у меня тоже есть желания, права и собственная жизнь.

Я вспомнила разговор с Валентиной Егоровой.

Как она предложила помочь с переездом.

Как неловко стояла возле двери, не зная, уместно ли вообще предлагать такую помощь.

И вдруг мне стало понятно, что за последние два дня я получила больше искреннего участия от людей, которым почти ничего не была должна, чем от человека, с которым прожила половину жизни.

Возле дома Зоя притормозила.

— Марин, ты не хочешь завтра поужинать вместе? Я могу к тебе приехать.

— Спасибо, но завтра у меня встреча с новым клиентом. Если все получится, появится дополнительный доход.

— Вот это уже хорошие новости.

— Пока рано радоваться.

— Радоваться можно и заранее. Только тратить деньги заранее не советую.

Я засмеялась.

Мы попрощались.

Я поднялась в квартиру, сняла туфли и поставила чайник.

На столе лежал новый ежедневник, который мне подарили коллеги.

Я открыла первую страницу, написала дату и составила список.

«Работа. Новый клиент. Документы по дому. Адвокат. Оборудование. Купить сковородку».

Посмотрела на последнюю строчку.

Улыбнулась.

Именно ее я решила выполнить в первую очередь.

Телефон зазвонил, когда я уже собиралась ложиться.

Номер был незнакомый.

Я хотела отклонить вызов, но вспомнила о возможном новом клиенте.

— Слушаю.

— Марина Сергеевна Волкова? — спросил мужской голос.

— Да.

— Добрый вечер. Меня зовут Игорь Лавров. Я руководитель службы внутреннего аудита компании «Северный контур». Простите за поздний звонок.

Я села на диван.

— Здравствуйте.

— Мне передали вашу переписку по поставке оборудования.

— Да.

— Я хотел бы уточнить, действительно ли вы отказываетесь подтверждать получение четырнадцати комплектов.

— Я подтверждаю получение шести. Остальные восемь к нам не поступили.

— А акт, подписанный от вашего имени?

— Я его не подписывала.

На другом конце провода наступила пауза.

— Вы уверены?

Я невольно усмехнулась.

— Игорь, простите, не знаю вашего отчества.

— Дмитриевич.

— Игорь Дмитриевич, я вполне способна отличить документ, который подписала, от документа, которого никогда не видела.

— Понимаю. Извините за вопрос.

— Ничего страшного.

Он некоторое время молчал.

Потом спросил:

— Скажите, пожалуйста, вы знакомы с Ларисой Павловной Михеевой?

Я выпрямилась.

То самое имя из накладной.

— Нет.

— Никогда не встречались?

— Насколько помню, нет. А кто это?

— Сотрудница подрядной организации. По нашим данным, она участвовала в оформлении передачи второй части оборудования.

— Передачи кому?

— Вашему центру.

Я посмотрела на записи в ежедневнике.

— Игорь Дмитриевич, я уже несколько раз сообщала, что второй части оборудования у нас нет.

— Да. Именно поэтому я и звоню.

Он понизил голос.

— Марина Сергеевна, мне необходимо уточнить еще один момент. Вы можете подтвердить, что все шесть реально полученных комплектов сейчас находятся у вас?

— Да. Мы ведем учет. Есть серийные номера, журналы использования и документы о передаче специалистам.

— Хорошо.

— А остальные восемь?

— С этим мы сейчас разбираемся.

Мне не понравилось, насколько осторожно он отвечал.

— Вы знаете, где они находятся?

— Пока я не готов давать комментарии.

— Тогда пришлите официальный запрос. Мы предоставим документы о фактическом получении и использовании оборудования.

— Конечно.

Он немного помолчал.

— И еще, Марина Сергеевна. Я хотел уточнить. Вам кто-нибудь предлагал подтвердить получение всей партии до того, как оборудование поступило полностью?

Я вспомнила нашу столовую, папку на столе и раздраженный голос Артема: «Марина, это формальность».

— Да, — ответила я.

— Кто именно?

Я не сразу произнесла:

— Мой муж.

— Артем Викторович Волков?

— Да.

В трубке стало тихо.

Потом Игорь Дмитриевич сказал:

— Понятно.

Мне не понравилось это слово.

— Что именно вам понятно?

— Пока ничего окончательного. Мы проводим внутреннюю проверку.

— Тогда почему вы спрашиваете про моего мужа?

Он вздохнул.

— Потому что фамилия Артема Викторовича встречается в нескольких документах, связанных с этой поставкой.

Я крепче сжала телефон.

— В каких документах?

— Марина Сергеевна, я пока не могу обсуждать материалы проверки. Но мне важно было получить от вас подтверждение.

— Вы его получили.

— Да. Спасибо.

— Игорь Дмитриевич, я хочу, чтобы вы правильно меня поняли. Меня интересует только одно: оборудование должно быть доставлено тем людям, для которых предназначено. Если кто-то оформил документы от моего имени, я хочу знать, кто это сделал и зачем.

— Понимаю.

— Тогда прошу дальше общаться официально. По электронной почте. И укажите, пожалуйста, номер для обратной связи.

— Обязательно.

Мы попрощались.

Я положила телефон на стол.

Несколько минут сидела неподвижно.

Артем много раз просил меня помочь с благотворительными мероприятиями. Иногда передавал документы от партнерских организаций. Я не считала это чем-то необычным.

Но почему его фамилия фигурировала в бумагах по оборудованию, которое наша организация не получала?

Я открыла переписку с Еленой Савиной.

Переслала ей все, что записала после разговора, и попросила обсудить возможные дальнейшие действия.

Потом сохранила номер Игоря Лаврова.

Хотелось позвонить Артему и потребовать объяснений. Но я вспомнила его предупреждение в понедельник: «Ты не понимаешь, во что лезешь». Теперь, после разговора с Лавровым, оно звучало еще неприятнее.

Я выключила свет на кухне.

Перед сном еще раз проверила, закрыта ли дверь.

Легла.

И только тогда вспомнила, что за все это время Артем так и не спросил, как я устроилась на новом месте. Зато за эти дни успел потребовать сведения о гостях, помощь с матерью и объяснения по благотворительному вечеру.

Без меня ему становилось неудобно.

Но он по-прежнему был уверен, что я обязана облегчать ему жизнь.

Я повернулась на бок и закрыла глаза.

Утром мне предстояло решить немало вопросов.

И среди них больше не было ни одного, связанного с приготовлением завтрака генералу Волкову.

Глава 3. Чужая в собственном доме

Фотографию моей кухни я увидела в четверг утром.

Она появилась на экране телефона, пока я стояла перед кофемашиной в съемной квартире и пыталась разобраться, почему вместо кофе из нее течет горячая вода.

Снимок прислала Зоя.

«Марин, ты только не нервничай. Это из открытого профиля твоей Виктории».

Я открыла фотографию.

За большим обеденным столом сидела молодая блондинка в белом шелковом халате. Перед ней стояли чашка кофе, тарелка с клубникой и небольшой букет розовых пионов.

Я узнала каждую деталь.

Стол из итальянского ореха мы покупали с Артемом семь лет назад. Светлые стулья я выбирала сама. На стене висели часы, которые привезла из Праги.

А возле окна стояла моя любимая фарфоровая ваза.

Вчера вечером я еще думала, не забыла ли упаковать ее.

Теперь поняла, что забыла.

Под фотографией Виктория написала:

«Как же приятно просыпаться в доме, где тебя любят. Скоро нас станет трое».

И добавила сердечко.

Я увеличила снимок.

На заднем плане, возле двери, виднелся Артем.

Он стоял спиной к камере, разговаривая по телефону. На нем были домашние брюки и темная футболка.

Эту футболку я подарила ему прошлым летом.

Я закрыла фотографию и открыла снова. Хотелось убедиться, что мне не показалось, но на снимке ничего не изменилось.

Не прошло и четырех суток с того момента, как муж сообщил мне о разводе. А другая женщина уже завтракала на моей кухне, фотографировала мой дом и рассказывала незнакомым людям о своем счастье.

Я поставила чашку под кофемашину.

Нажала другую кнопку.

На этот раз кофе получился.

Правда, слишком крепкий.

Я сделала глоток и написала Зое:

«Вижу. Спасибо».

Она сразу позвонила.

— Ты как?

— Нормально.

— Марина, только не говори мне, что нормально.

— А что я должна сказать?

— Например, что хочешь поехать туда и выставить эту девицу вместе с ее пионами.

Я посмотрела на фотографию.

— Хочу.

— Вот. Уже честнее.

— Но не поеду устраивать скандал. Мне вчера Савина объяснила, что сейчас лучше все фиксировать и не давать Артему повода обвинять меня в чем-нибудь.

— А вазу жалко?

Я неожиданно рассмеялась.

— Очень.

— Тогда заведи ее.

— Она общая.

— Ваза?

— Да нет, Зой. Дом общий. А вазу мне Вера дарила.

— Тем более заведи.

Я положила телефон на стол.

— Слушай, я сегодня собиралась съездить за оставшимися вещами. Заодно сфотографирую комнаты для оценки имущества.

— Одна?

— Да.

— Марина...

— Зой, я не собираюсь прятаться от собственного мужа. И от его любовницы тоже.

Она помолчала.

— Ладно. Но позвони, когда закончишь.

— Обязательно.

После разговора я еще раз посмотрела на фотографию.

Виктория улыбалась.

Очень уверенно.

И мне стало любопытно, что именно рассказал ей Артем.

Обещал ли, что я тихо исчезну из их жизни? Что дом полностью принадлежит ему? Что через месяц все юридические вопросы будут решены?

Или она вообще не спрашивала?

В двадцать семь лет мне тоже казалось, что если мужчина говорит уверенно, значит, он знает, что делает.

Теперь я понимала, насколько это ненадежный способ выбирать мужа.

В центре меня ждало письмо от Игоря Лаврова.

Он направил официальный запрос с просьбой предоставить копии журналов учета, накладных, сведения о фактически полученном оборудовании и образцы моей подписи на документах за соответствующий период.

Письмо было оформлено аккуратно, с регистрационным номером и подписью руководителя внутреннего аудита.

Я переслала его Зое.

Через десять минут мы сидели у меня в кабинете.

— Образцы подписи им зачем? — спросила она.

— Видимо, хотят сравнить с той, что стоит на акте.

— Они сами могут установить подделку?

— Не знаю. Юрист сказал, что для надежного заключения потребуется специальная экспертиза.

Зоя просмотрела список документов.

— А почему они не пишут, кто подписал тот акт?

— Наверное, сами еще не выяснили.

— Или выяснили, но не хотят говорить.

Я посмотрела на нее.

— Возможно. Поэтому и будем действовать официально.

Зоя отложила бумаги.

— Ты вообще вчера спала?

— Часов шесть.

— Неплохо.

— Если не считать того, что полночи вспоминала, какие документы Артем приносил мне за последние годы.

— Вспомнила?

— Кое-что.

Я открыла календарь.

За последние несколько лет через наш центр проходили разные благотворительные программы. Часть финансировалась частными пожертвованиями, часть — партнерскими соглашениями с коммерческими организациями.

«Северный контур» начал сотрудничать с нами около восьми месяцев назад.

Сначала все выглядело обычно.

Компания предложила оборудование для реабилитационных кабинетов. Мы изучили характеристики, согласовали потребности, подписали договор пожертвования.

Первые поставки прошли без проблем.

Потом у Виктории появилась привычка просить подписывать документы до фактического получения оборудования.

Сначала речь шла о незначительных расхождениях в датах.

Она объясняла, что бухгалтерии так удобнее.

Я каждый раз отказывалась.

Но до поддельной подписи дело прежде не доходило.

— Зой, а ты помнишь, кто рекомендовал нам «Северный контур»?

Она задумалась.

— Кажется, Артем Викторович познакомил тебя с их коммерческим директором.

— На ужине у Орловых?

— Нет, раньше. На мероприятии в гостинице. Ты потом рассказывала, что они предложили помощь.

Я вспомнила тот вечер.

Артем представил мне двух мужчин в дорогих костюмах. Один говорил о строительстве, второй — о социальных проектах компании.

Виктории тогда рядом не было.

По крайней мере, я ее не помнила.

— Надо найти приглашение и список участников, — сказала я.

— Зачем?

— Просто хочу восстановить последовательность событий.

Зоя покачала головой.

— Твой развод постепенно превращается в бухгалтерский детектив.

— Мне бы хотелось, чтобы он оставался обычным разводом.

— Мне тоже.

Она встала.

— Ладно. Я подготовлю документы. А ты не забудь поесть.

— Зоя!

— Что? У меня две обязанности: следить за бюджетом и напоминать тебе про обед.

— Вообще-то у тебя их гораздо больше.

— Вторая самая важная.

Она вышла.

Я открыла почту и начала искать старые письма.

Через полчаса нашла приглашение на презентацию, где впервые обсуждалось сотрудничество с «Северным контуром».

Организатором мероприятия была деловая ассоциация.

Среди приглашенных значился Артем Волков.
Рядом с его фамилией стояла должность.
Я просмотрела список дальше.
Представитель «Северного контура» тоже присутствовал.
Ничего необычного.
Артем по службе встречался с десятками руководителей компаний.
Но я сохранила документ.
Теперь мне хотелось, чтобы у каждого события была точная дата.

В половине двенадцатого позвонила Елена Савина.
— Марина Сергеевна, доброе утро. Получила ваше сообщение о разговоре с аудитором.
— Да. Он вчера поздно вечером позвонил.
— Вы правильно сделали, что попросили официальный запрос. Я рекомендую отдельно направить письмо руководству организации, от имени которой был оформлен спорный акт, и потребовать сохранить оригинал документа.

— А если его уже уничтожили?

— Тогда будем выяснять, кто и когда это сделал. Но пока не следует заранее предполагать худшее.

Я рассказала ей о документах, которые собрала Зоя.

Елена выслушала.

— Вы понимаете, что это уже не вопрос вашего развода?

— Понимаю.

— Тогда давайте разделим эти истории. Имущественным спором занимаюсь я. По возможной подделке документов и обстоятельствам поставки я рекомендую привлечь специалиста соответствующего профиля. Я могу дать контакт.

— Буду благодарна.

Она помолчала.

— Теперь о доме. Получила ответ представителя вашего супруга.

— И что он пишет?

— Они предлагают увеличить компенсацию на пятнадцать процентов, если вы откажетесь от дальнейших претензий на недвижимость.

Я посмотрела в окно.

— Все равно значительно меньше реальной стоимости моей доли.

— Согласна. Поэтому пока это предложение не принимаем.

— Хорошо.

— Есть еще один момент. Артем Викторович сообщил, что вы добровольно освободили дом и передали ему исключительное право пользования.

Я невольно выпрямилась.

— Что?

— Именно так сформулировано в письме.

— Я ничего подобного не говорила!

— Успокойтесь. Сам по себе ваш переезд не означает передачи прав на имущество. Но мне важно уточнить, какие документы вы подписывали при выезде.

— Никаких.

— Ключи оставили?

— Нет. Они у меня.

— Прекрасно.

Я вспомнила фотографию Виктории.

— Елена, его любовница уже живет там. Сегодня утром она выложила снимок из нашей кухни.

— Сохраните фотографию с датой публикации.

— Уже.

— А вы планируете возвращаться за вещами?

— Сегодня вечером.

— Тогда сделайте фотографии состояния помещений и находящегося там имущества. Не вступайте в конфликт. Если увидите, что кто-то вывозит вещи или меняет замки, сразу сообщите мне.

Я записала рекомендации.

— А он может запрещать мне приходить?

— Пока дом находится в совместной собственности и порядок пользования им не определен иначе, у него нет оснований единолично объявлять вам запрет. Но при конфликте лучше добиваться решения законными способами, а не спорить с охраной или рабочими.

— Поняла.

— И еще, Марина Сергеевна. Предлагаю согласовать независимую оценку. У меня есть специалист, который сможет осмотреть дом в субботу, если обеспечим доступ.

— Я договорюсь.

— Хорошо. Не обсуждайте с мужем денежные предложения лично.

После разговора стало немного легче. Адвокат не обещала победы, зато я хотя бы понимала, какие действия могу предпринимать.

Я открыла переписку с Артемом.

Написала:

«В субботу в 11:00 планируется осмотр дома независимым оценщиком для подготовки документов по разделу имущества. Прошу обеспечить доступ. Сегодня вечером заберу оставшиеся личные вещи».

Ответ пришел через семь минут.

«Ты уже съехала. Зачем тебе опять приезжать?»

Я написала:

«Чтобы забрать свои вещи и зафиксировать имущество».

Он позвонил.

Я посмотрела на экран, но решила ответить.

— Марина, это уже становится смешно, — начал муж. — Какие еще оценщики?

— Независимые.

— Я сам прекрасно знаю, сколько стоит дом.

— Тогда оценка просто подтвердит твою сумму.

— Ты же понимаешь, что из-за твоего упрямства все затянется?

— Возможно.

— У меня беременная женщина. Нам нужно обустроить детскую.

Я закрыла глаза.

— Артем, я не запрещаю тебе заботиться о будущем ребенке.

— Тогда почему ты мешаешь?

— Я не мешаю. Просто не собираюсь отдавать свою собственность за сумму, которую ты придумал.

Он раздраженно выдохнул.

— Ты прекрасно понимаешь, что весь дом мне не нужен. Я хочу оставить его ребенку.

— Какому именно?

— Не начинай.

— У тебя уже есть дочь, Артем. И этот дом тоже был ее домом.

Он помолчал.

— Вера давно живет отдельно.

— Значит, ее вещи можно выбросить?

— Никто ничего не выбрасывает.

— Хорошо. Тогда я сегодня приеду за оставшимися вещами.

— Только не поздно. Вика плохо спала.

Я даже не нашлась с ответом.

Он добавил:

— И постарайся не устраивать неприятных сцен. У нее повышенная чувствительность.

— Артем, я приезжаю не к Виктории. Я приезжаю в дом, который строила вместе с тобой.

— Как знаешь.

Он отключился.

Я посмотрела на телефон.

Иногда мне казалось, что Артем совершенно искренне не понимает, почему его слова меня обижают.

Он мог обсуждать беременность Виктории, ее сон, питание и настроение.

Но ни разу за эти дни не поинтересовался, как живу я.

Наверное, он считал, что в сорок четыре года у женщины уже не бывает чувств, которые стоит беречь.

После обеда у меня состоялся разговор с потенциальным заказчиком.

Небольшая сеть частных медицинских центров искала консультанта, который помог бы наладить бюджетирование и подготовить финансовую модель расширения.

Руководителя звали Сергей Михайлович.

Он подробно расспрашивал о моем опыте.

Я рассказала, какие проекты вела, какие системы отчетности внедряла, как рассчитывала расходы на открытие новых подразделений.

Поначалу немного волновалась.

Последние годы я редко проводила переговоры с коммерческими клиентами.

В центре меня знали и доверяли мне. Сейчас же предстояло убедить незнакомого человека, что моя работа стоит запрашиваемых денег.

— Скажите, Марина Сергеевна, — спросил он, — вы готовы работать с нами минимум три месяца?

— Да, при условии, что согласуем объем задач.

— А сможете выезжать к нам два раза в неделю?

— Смогу.

— Отлично. Тогда я попрошу нашего финансового директора прислать исходные данные.

Я выдохнула.

— Буду ждать.

— И еще. Андрей Павлович Орлов вас очень рекомендовал. Сказал, что вы человек, которому можно доверить цифры.

На несколько секунд я растерялась.

— Спасибо. Постараюсь оправдать доверие.

Мы договорились об оплате первого этапа и сроках подготовки договора.

Когда разговор закончился, я еще немного сидела перед компьютером.

Мне хотелось поделиться хорошей новостью.

Раньше первым делом позвонила бы Артему.

Он, скорее всего, ответил бы, что занят, но я все равно рассказала бы.

Теперь я набрала Веру.

Дочь ответила почти сразу.

— Мам, привет! Что случилось?

— Ничего плохого. Кажется, у меня появился новый заказчик.

— Правда?

— Да. Пока договор еще не подписали, но договорились об условиях.

— Мам, это же круто!

Я улыбнулась.

— Надеюсь.

— Ты вообще понимаешь, какая ты молодец?

— Пока еще ничего особенного не сделала.

— Вот только не начинай. Ты мне двадцать лет рассказывала, что умеешь работать с деньгами, а сама почему-то считала, будто это не настоящая профессия.

Я усмехнулась.

— Не двадцать лет.

— Ладно, пятнадцать. Не придирайся.

Она немного помолчала.

— Мам, а можно я у тебя кое-что спрошу?

— Конечно.

— Ты правда больше не вернешься к папе?

Я посмотрела на свой новый ежедневник.

— Правда.

— Даже если он попросит прощения?

Я задумалась.

Еще неделю назад я ответила бы иначе.

Сказала бы, что не знаю.

Что двадцать три года нельзя вычеркнуть.

Что семьи не распадаются за один разговор.

Но после всего произошедшего мне стало понятно, что дело не только в измене.

Я слишком долго старалась сохранить отношения, в которых меня перестали слышать.

— Нет, Вер. Не вернусь.

Она выдохнула.

— Хорошо.

— Почему ты спрашиваешь?

— Папа вчера звонил. Сказал, что ты обиделась и теперь пытаешься настроить против него всех знакомых.

Я почувствовала, как неприятно сжалось сердце.

— Он так сказал?

— Да. Еще сказал, что ты специально появилась на благотворительном вечере, чтобы поставить его в неловкое положение.

Я посмотрела на фотографию с мероприятия, которую прислала Зоя.

На ней мы стояли рядом с проектором, показывая финансовые расчеты.

— Вера, я приехала туда по работе. Нас пригласил организатор.

— Мам, мне не надо объяснять. Я ему так и сказала.

— И что он ответил?

— Что я слишком молодая, чтобы судить о сложных отношениях взрослых людей.

Я невольно рассмеялась.

— Ну конечно.

— Потом спросил, почему я разговариваю с ним таким тоном. Представляешь?

— Представляю.

— Я ему сказала, что он не на службе и я не обязана стоять по стойке смирно. Теперь я рассмеялась по-настоящему.

— Вера!

— А что? Он обиделся и отключился.

Я покачала головой.

— Ты совсем не умеешь выбирать выражения.

— В кого-то же надо было пойти.

Мы поговорили еще немного.

Перед тем как закончить разговор, дочь сказала:

— Мам, я очень хочу, чтобы ты была счастлива. Даже если сначала тебе придется немного погрустить.

После этих слов я долго смотрела на погасший экран.

Вера была уже взрослой.

И, кажется, понимала некоторые вещи лучше меня.

К дому я подъехала без десяти шесть.

Солнце еще не село, но в саду уже горели фонари.

Возле ворот стоял незнакомый микроавтобус.

На кузове крупными буквами было написано:

«Интерьер. Мебель. Дизайн».

Я остановилась рядом.

Из микроавтобуса вышел мужчина в рабочей куртке.

— Вы к кому? — спросил он.

— Я здесь живу.

Он посмотрел на машину, потом на меня.

— А, понятно. Нам сказали, хозяйка сейчас выйдет.

Я медленно повернула голову к дому.

Хозяйка.

Вот как.

— Какая именно хозяйка? — спросила я.

Мужчина пожал плечами.

— Молодая блондинка. Мы ей мебель привезли.

Я достала телефон.

Сделала фотографию микроавтобуса.

Потом открыла калитку своим ключом.

Возле крыльца лежали несколько больших картонных коробок.

На одной было написано:

«Детская кровать».

На другой — «Комод».

Из открытого окна второго этажа доносился голос Виктории.

— Нет, этот шкаф нужно полностью освободить. Я же объясняла, там будет детская!

Я вошла в дом.

В прихожей стояли две пары женской обуви.

На вешалке висело светлое пальто.

Я узнала его по фотографии Виктории.

Рядом лежала коробка с новыми полотенцами.

Я поднялась по лестнице.

На втором этаже работали двое мужчин в одинаковых серых футболках.

Они выносили вещи из комнаты Веры.

Я остановилась.

В руках одного рабочего была большая коробка, из которой торчал старый розовый плюшевый заяц.

Я подарила его дочери на шестой день рождения.

У зайца давно оторвалось одно ухо. Вера когда-то просила меня пришить его обратно, но потом решила, что так игрушка выглядит смешнее.

Я не выбросила его даже после того, как дочь уехала учиться.

Он сидел на полке в ее комнате.

— Простите, — сказала я. — Вы куда это несете?

Рабочий остановился.

— В гараж. Нам сказали освободить помещение.

— Кто сказал?

— Хозяйка.

Я посмотрела на дверь комнаты.

Виктория стояла возле окна.

На ней были джинсы и мягкий розовый свитер. Волосы собраны в высокий хвост.

В руках она держала образцы обоев.

Увидев меня, она нахмурилась.

— Марина Сергеевна? Вы зачем приехали?

Я вошла в комнату.

На полу стояли коробки.

Со стен сняли несколько фотографий.

Детский письменный стол был отодвинут к двери.

Пустые полки выглядели непривычно.

Я подошла к шкафу.

На его дверце до сих пор была маленькая наклейка с изображением котенка.

Вере было лет десять, когда она приклеила ее.

— Что здесь происходит? — спросила я.

Виктория положила образцы обоев на подоконник.

— Мы готовим комнату для малыша.

— Эту комнату?

— Да. Здесь хороший свет, большое окно. И рядом наша спальня.

Наша.

Я медленно выдохнула.

— Это комната моей дочери.

— Но ваша дочь уже взрослая.

— И что?

Виктория удивленно посмотрела на меня.

— Артем сказал, что Вера давно здесь не живет. Мы решили сделать детскую.

Я посмотрела на рабочего.

Он все еще держал коробку с игрушками.

— Пожалуйста, поставьте это обратно.

Мужчина растерянно перевел взгляд с меня на Викторию.

— Подождите, — сказала она. — Мы уже договорились...

— Я не с вами разговариваю, Виктория.

Я повернулась к рабочему.

— Меня зовут Марина Волкова. Я супруга Артема Викторовича и тоже имею права на этот дом. Сейчас между нами идет раздел имущества. Прошу приостановить перенос вещей до выяснения ситуации.

Рабочий посмотрел на напарника.

Тот пожал плечами.

— Нам без разницы, — сказал первый. — Только вы уж между собой решите. Мы третий час тут работаем.

— Я понимаю. Извините за неудобство.

Он поставил коробку на пол.

Виктория покраснела.

— Марина Сергеевна, я не понимаю, зачем вы устраиваете скандал.

Я посмотрела на нее.

— Где именно вы слышали скандал?

— Вы запрещаете рабочим работать.

— Я попросила не выносить вещи моей дочери.

— Но Артем разрешил!

— Артем может распоряжаться своими вещами. Вещи Веры ему не принадлежат.

Виктория сжала в руках телефон.

— Это просто старые игрушки и фотографии. Мы ничего не собирались выбрасывать.

— Тогда зачем вы все убираете?

— Потому что здесь будет жить наш ребенок!

Я посмотрела на нее.

Она стояла посреди комнаты Веры, сердитая и взволнованная. Наверное, уже представляла, как на ее пальце появится обручальное кольцо.

Я вдруг вспомнила себя в ее возрасте.

Когда мы с Артемом получили первую просторную квартиру, мне тоже хотелось немедленно все переделать. Купить новые занавески, мебель, выбрать краску.

Разница была в том, что тогда мы обустраивали собственное жилье, никого из него не выгоняя.

— Виктория, — сказала я спокойнее, — вы вправе готовиться к рождению ребенка. Но не нужно делать это за счет вещей моей дочери.

Она отвела взгляд.

— Артем сказал, что вы все заберете.

— Я заберу свои вещи. А с Верой мы отдельно решим, что она хочет оставить.

— Вы специально все усложняете.

Я устало потерла переносицу. За последние дни я уже несколько раз слышала, что все усложняю.

— Нет. Я просто прошу не трогать то, что вам не принадлежит.

Виктория отвернулась к окну.

— Я сейчас позвоню Артему.

— Звоните.

Она набрала номер.

Я тем временем сфотографировала комнату: пустые полки, сложенные коробки, снятые со стен фотографии и кровать, которую рабочие уже сдвинули к стене.

На полу лежала старая тетрадь по географии.

Я подняла ее.

На обложке крупными буквами было написано:

«Вера Волкова. 6 класс».

Я открыла первую страницу.

Внутри лежал рисунок.

Наш дом.

Зеленая крыша, огромные окна, дерево возле крыльца. Рядом три фигурки.

Папа.

Мама.

Вера.

Над каждой стояла подпись.

Я помнила этот рисунок. Он был старше тетради: Вера нарисовала нас, когда мы только закончили строительство. Тогда она сказала, что теперь у нас будет самое счастливое место на свете.

Я осторожно сложила лист.

— Артем сейчас приедет, — сообщила Виктория.

— Хорошо.

— Он очень расстроится.

Я посмотрела на нее.

— Возможно.

— Вы ведь понимаете, что ему нельзя сейчас нервничать? У него сложный период на работе.

Меня удивило это замечание.

— Какой период?

Виктория замялась.

— Просто много дел.

— Понятно.

Она поправила волосы.

— Артем очень устает. Я стараюсь, чтобы дома ему было спокойно.

Я посмотрела на разобранную комнату дочери.

— Хорошее намерение.

Виктория нахмурилась.

— Вы сейчас издеваетесь?

— Нет. Просто вам стоит понимать одну вещь. Артем привык, что его желания исполняются быстро. Иногда настолько быстро, что он даже не замечает, сколько людям приходится ради этого сделать.

Она скрестила руки.

— Он заботится обо мне.

— Надеюсь, что так и будет.

Виктория явно не ожидала такого ответа.

Я положила рисунок Веры в свою сумку.

И направилась в спальню за оставшимися вещами.

Моя спальня сразу показалась чужой, хотя мебель стояла на прежних местах.

Большая кровать, светлые прикроватные тумбы, кресло возле окна.

Но на туалетном столике теперь находились чужие духи.

Три флакона.

Рядом лежала косметичка, открытая коробочка с украшениями и щетка для волос.

На моей половине кровати был разложен шелковый халат.

Я остановилась возле двери.

Виктория вошла следом.

— Я убрала ваши вещи из ванной, — сказала она. — Надеюсь, вы не против.

Я открыла ящик туалетного столика.

Там лежали мои старые фотографии, несколько документов и коробочка с серьгами, которые я редко носила.

Сверху кто-то положил пакет с ватными дисками.

— Где мои вещи? — спросила я.

— Какие именно?

— Из ванной.

— В коробке. В гардеробной.

Я прошла туда.

Большую часть шкафа уже занимала одежда Виктории.

Дорогие платья в чехлах, блузки, туфли, несколько новых сумок.

Мои вещи лежали в трех картонных коробках возле двери.

На одной было написано маркером:

«МАРИНА».

Я присела рядом.

В первой коробке находились косметика, расчески и полотенца.

Во второй — остатки одежды, которую я не успела забрать.

В третьей — мелочи из ванной и спальни.

Среди них лежала моя старая деревянная шкатулка.

Мама подарила ее мне на восемнадцатилетие.

Я осторожно достала шкатулку.

На крышке была небольшая царапина. Я сделала ее еще в институте, когда случайно уронила коробочку на пол.

Внутри лежали несколько писем, мамина фотография и маленькое серебряное колечко.

Я не носила его много лет.

Но расстаться не могла.

— Спасибо, что ничего не выбросили, — сказала я.

Виктория стояла в дверях.

— Артем сказал, что вы заберете оставшиеся вещи на этой неделе.

Я поднялась.

— Заберу.

— Тогда мы сможем закончить обустройство?

Я посмотрела на нее.

— Свои вещи я вывезу. Но вопрос о доме и общем имуществе решается с адвокатами.

Она тяжело вздохнула.

— Мне кажется, вы не хотите нас отпустить.

Я остановилась.

— Что?

— Ну... Вы постоянно напоминаете про дом, документы, какие-то права. Мне кажется, вы надеетесь, что Артем передумает.

Несколько секунд я просто смотрела на нее.

Потом спросила:

— Виктория, вы действительно думаете, что я хочу вернуть мужчину, который год изменял мне с вами?

Она покраснела.

— Я не хотела...

— Тогда не надо объяснять мои поступки ревностью. Я не собираюсь бороться за Артема. Но двадцать три года брака не исчезают только потому, что вам хочется быстрее обустроиться.

Она опустила глаза.

— Я просто хочу нормальную семью.

— И я когда-то хотела.

Виктория посмотрела на меня.

В ее лице на мгновение появилось что-то похожее на растерянность.

Но она быстро справилась с собой.

— У нас с Артемом все иначе.

Я взяла шкатулку.

— Возможно.

Спорить не стала.

Мне нечего было ей доказывать.

Артем приехал через двадцать минут.

Я услышала, как возле дома остановилась машина.

Потом хлопнула входная дверь.

Муж поднялся на второй этаж быстрым шагом.

Он был в темной форме без кителя, с закатанными рукавами рубашки.

Увидев меня в гардеробной, остановился.

— Что здесь происходит?

Я посмотрела на него.

— Забираю вещи. Как и предупреждала.

— Вика говорит, ты остановила рабочих.

— Да.

— На каком основании?

— Они выносили вещи Веры.

— И что?

Я несколько секунд молчала.

— Артем, это комната нашей дочери.

— Вера давно живет в Петербурге!

— Но ее вещи здесь остались.

— Их собирались убрать в гараж.

— Почему вы не спросили ее?

Он раздраженно махнул рукой.

— Господи, Марина. У меня серьезные дела, а вы устроили скандал из-за старых игрушек.

Я поставила шкатулку на стол.

— Тогда позвони Вере и объясни, что собираешься переделать ее комнату.

— Не собираюсь я ей звонить из-за подобной ерунды.

— Хорошо. Тогда я сама расскажу.

Артем посмотрел на меня.

— Не смей втягивать дочь в наши разборки.

Я почувствовала, как внутри поднимается злость.

До этого момента мне удавалось сохранять спокойствие.

Но сейчас хотелось наконец сказать все, о чем я молчала последние дни.

— Артем, ты хочешь переделать комнату Веры для ребенка от другой женщины. Это касается нашей дочери напрямую.

— Она взрослая. Должна понимать.

— Именно. Она взрослая. Поэтому спроси ее.

Муж отвернулся.

— Я не собираюсь согласовывать с ней каждое решение.

Виктория стояла возле двери.

Она тихо произнесла:

— Артем, может, правда сначала спросить Веру?

Я удивленно посмотрела на нее.

Муж тоже.

— Вика, пожалуйста, — сказал он. — Не вмешивайся.

Девушка замолчала.

Артем снова повернулся ко мне.

— Я разрешил сделать здесь детскую. И мы ее сделаем.

— После того, как решим вопрос с вещами Веры и имуществом.

— Ты опять начинаешь говорить как твой адвокат.

— Хорошо, что хотя бы кто-то объяснил мне мои права.

Он подошел ближе.

— Марина, я предупреждал. Не испытывай мое терпение.

Я посмотрела ему в глаза.

— А что произойдет, если я продолжу?

Он замолчал.

— Ты вызовешь охрану? Прикажешь рабочим меня вывести? Попросишь водителя закрыть ворота?

— Не доводи до абсурда.

— Я просто хочу понять, что именно ты собираешься сделать.

Артем резко выдохнул.

— Ты совершенно перестала меня уважать.

Мне стало неожиданно грустно.

— Нет, Артем. Я очень долго тебя уважала. Даже когда для этого приходилось не замечать неприятные вещи.

Он отвел взгляд.

Виктория переминалась у двери.

Я подняла коробку.

— Я заберу оставшиеся личные вещи. А по дому будет работать адвокат. Не надо превращать каждую нашу встречу в ссору.

— Тогда перестань диктовать мне условия в моем собственном доме!

Я медленно поставила коробку обратно.

— В нашем доме, Артем.

— Он оформлен на меня.

— И построен в браке.

— На мои деньги!

— В том числе на деньги от маминой квартиры.

Он раздраженно махнул рукой.

— Опять твоя мать! Сколько можно вспоминать эти четыре миллиона?

Мне стало холодно.

Не от слов о деньгах.

От того, каким тоном он говорил о женщине, которую когда-то называл второй мамой.

Моя мать действительно любила Артема.

Когда он получил первое серьезное назначение, она устроила семейный ужин. Когда у него болел отец, приезжала помогать. Когда умерла, Артем стоял рядом со мной на кладбище и держал меня за руку.

Теперь ее квартира была для него всего лишь суммой, которую я слишком часто вспоминала.

— Четыре миллиона триста тысяч, — поправила я. — И еще мои накопления.

— Марина!

— Не кричи.

Он сжал кулаки.

Виктория осторожно коснулась его руки.

— Артем, пожалуйста...

Он отстранился.

— Иди вниз, Вика.

Она посмотрела на меня, потом на него.

— Хорошо.

Когда девушка ушла, муж закрыл дверь.

Я сразу напряглась.

— Открой, пожалуйста.

Он удивился.

— Зачем?

— Я не хочу разговаривать с тобой за закрытой дверью.

Артем несколько секунд смотрел на меня.

Потом открыл.

— Довольна?

— Да.

Он прошел к окну.

— Скажи честно, сколько ты собираешься требовать за дом?

— Я не знаю окончательную стоимость. В субботу будет оценщик.

— Ты понимаешь, что я могу нанять десять оценщиков?

— Можешь.

— И десять адвокатов.

— Тоже можешь.

Он повернулся.

— Тогда зачем этот цирк?

Я посмотрела на него.

— Потому что у меня есть право получить справедливую долю. И я собираюсь этим правом воспользоваться.

Муж усмехнулся.

— Ты так уверенно разговариваешь, будто у тебя появился кто-то за спиной.

Я не сразу поняла.

— В каком смысле?

— Кто-то тебе подсказывает, что делать. Деньги обещает. Может, новый мужчина?

Я даже растерялась.

— Ты серьезно?

— А почему нет? Ты быстро нашла квартиру, адвоката, вдруг начала работать по вечерам.

Я смотрела на него и не знала, смеяться или злиться.

— Артем, я сняла квартиру на свои деньги. Адвокату тоже плачу сама.

— Конечно.

— Ты считаешь, что женщина в сорок четыре года не может решить свои проблемы без мужчины?

Он пожал плечами.

— Я считаю, что ты слишком резко изменилась.

— Я не изменилась. Просто теперь мои решения не обязаны тебе нравиться.

Он несколько секунд молчал.

Потом произнес:

— Только не забывай, Марина. Я все-таки генерал. У меня есть возможности.

Я посмотрела на его лицо.

Он сказал это совершенно спокойно.

Без прямой угрозы.

Но с привычной уверенностью, что само упоминание звания должно на меня подействовать.

Раньше, наверное, подействовало бы.

Теперь я взяла сумку и ответила:

— Тогда используй свои возможности, чтобы найти юриста, который объяснит тебе порядок раздела имущества.

Я вышла из комнаты.

Артем не пошел следом.

Внизу меня ждала Светлана.

Она стояла возле кухни, держа в руках сложенное полотенце.

Увидев меня, приблизилась.

— Марина Сергеевна, можно на минутку?

Я кивнула.

Мы прошли в небольшую кладовую возле прачечной.

Светлана закрыла дверь.

— Вы только не подумайте, что я жаловаться пришла.

— Что случилось?

Она опустила глаза.

— Виктория Александровна сказала, что теперь будет сама решать, кто здесь работает.

Я не удивилась.

— Это ее право обсуждать с Артемом.

— Она хочет привести другую женщину для уборки. Свою знакомую.

— Свет, вы давно здесь работаете. Артем знает, как вы относитесь к дому.

— Знает. Только вчера сказал, что ему некогда разбираться. Велел поговорить с Викторией Александровной.

Я вздохнула.

— Мне жаль.

— Да я не из-за работы. У меня еще два дома есть. Просто обидно как-то.

Я посмотрела на нее.

Светлана была аккуратной, ответственной женщиной. За восемь лет у нас ни разу не пропало ничего ценного, ни разу она не подвела с уборкой перед большим приемом.

Артем даже не знал, сколько раз она оставалась допоздна, помогая мне готовить дом к гостям.

— Если захотите сменить место работы, я могу дать хорошие рекомендации, — сказала я.

Она благодарно улыбнулась.

— Спасибо.

Потом замялась.

— И еще кое-что.

— Да?

— Сегодня утром приезжал какой-то мужчина. Забирал документы из кабинета Артема Викторовича.

Я насторожилась.

— Какие документы?

— Не знаю. Он вынес две большие коробки. Артем Викторович сам был дома, они вместе их собирали.

Я вспомнила разговор с аудитором.

— Вы этого мужчину раньше видели?

— Нет. Молодой такой. В костюме. Приехал на серой машине.
Я помолчала.

— Свет, вы никому ничего не должны объяснять. И не надо ради меня выяснять, какие документы Артем хранит дома.

— Я понимаю. Просто подумала, вам стоит знать.

— Спасибо.

Она немного помолчала.

— Вы ведь не вернетесь?

Я посмотрела на дверь.

За ней находилась кухня, в которой я столько лет готовила завтраки, принимала гостей и спорила с Артемом о том, сколько соли добавлять в мясо.

— Нет, Свет. Как жена Артема — точно не вернусь.

Она кивнула.

— Тогда желаю вам хорошей жизни.

Я улыбнулась.

— Спасибо. Мне тоже хотелось бы.

Перед уходом я перенесла в машину три коробки со своими вещами. Вазу, подаренную Верой, обернула полотенцем и положила отдельно, чтобы не разбить.

Когда я в последний раз вышла из дома, рабочие уже складывали инструменты в микро-автобус.

Коробки с вещами Веры оставили на втором этаже. Я сфотографировала их содержимое и решила вечером спокойно обсудить с дочерью, что она хотела бы забрать.

Возле машины меня догнала Виктория.

— Марина Сергеевна, подождите.

Я остановилась.

Она подошла ближе.

Без Артема рядом она выглядела немного иначе.

Менее уверенной.

Даже растерянной.

— Я хотела извиниться за комнату, — сказала она.

Я посмотрела на девушку.

— Хорошо.

Она ожидала продолжения, но я молчала.

— Просто я думала, что вы уже все забрали, — добавила она. — Артем сказал, что вы сами захотели переехать.

— Я действительно сама решила переехать.

— Тогда почему вы злитесь?

Я посмотрела на нее.

— Потому что переезд не означает, что можно без спроса трогать вещи моей дочери.

Она отвела глаза.

— Понимаю.

Несколько секунд мы стояли молча.

Потом Виктория неожиданно спросила:

— Вы его правда больше не любите?

Я почувствовала, как внутри неприятно сжалось.

— Почему вы спрашиваете?

— Просто он говорит, что у вас давно ничего не было. Что вы жили как соседи.

Я посмотрела на дом.

Сколько раз за последний год мы с Артемом ужинали вместе?
Сколько раз я ждала его вечером?
Сколько раз пыталась поговорить, а он отвечал, что устал?
Да, наши отношения изменились.
Мы реже проводили время вдвоем.
Иногда неделями почти не разговаривали ни о чем, кроме бытовых вопросов.
Но я считала это трудным периодом долгого брака.
А Артем уже жил другой жизнью.
— Виктория, вы хотите знать, любила ли я мужа?
Она кивнула.
— Любила, — ответила я. — Очень долго.
Она опустила глаза.
— Но сейчас?
Я подумала.
Чувства не исчезают по расписанию.
Вчера я еще вспоминала, как он обнимал меня на нашей свадьбе. Сегодня злилась из-за вещей Веры. Завтра, наверное, снова буду плакать.
— Сейчас мне больно, — сказала я. — Но возвращаться к нему я не собираюсь.
Виктория осторожно положила руку на живот.
Пока по ее фигуре еще нельзя было заметить беременность.
— Он сказал, что хочет начать все заново.
— Значит, начнете.
— Вы не будете мешать?
Я посмотрела ей в глаза.
— Виктория, я не собираюсь мешать вашим отношениям. Но вы должны понять: я не обязана ради вашего счастья отказаться от своего имущества, работы и общения с людьми, которых знаю много лет.
Она молчала.
— И еще, — добавила я. — Не просите меня подписывать документы на оборудование, которого мы не получали.
Ее лицо изменилось.
Совсем немного.
Но я заметила.
— Я же объяснила, что там произошло недоразумение.
— Тогда ваша компания должна его исправить.
— Это не моя зона ответственности.
— Вы присылали мне акт.
— Потому что меня попросили!
Она произнесла это слишком резко.
Потом быстро оглянулась на дом.
Я внимательно посмотрела на нее.
— Кто попросил?
Виктория сжала губы.
— Руководство.
— Тогда передайте руководству, что мы ждем официальных объяснений.
Она отвернулась.
— Вы все равно делаете из меня виноватую.
— Я не говорила, что вы виноваты.
— Но вы думаете!

Я вздохнула.

— Виктория, сейчас меня интересуют факты. Если вы ни при чем, вам нечего опасаться. Она посмотрела на меня с раздражением.

— Вам легко говорить.

Я невольно усмехнулась.

— Нет, Виктория. Мне сейчас совсем не легко.

Девушка ничего не ответила.

Я села в машину.

Когда заводила двигатель, увидела в зеркале, как Виктория возвращается к дому.

Она шла быстро, почти сердито.

Я не знала, испугалась ли она разговора об акте или просто боялась, что Артем снова будет раздражен.

Но впервые мне показалось, что ее уверенность в собственном счастье не так прочна, как выглядела на утренней фотографии.

По дороге домой позвонила Софья Павловна.

Я включила громкую связь.

— Марина, здравствуй.

— Добрый вечер.

— Ты за рулем?

— Да. Но могу говорить.

— Тогда коротко. Я сегодня с Артемом поругалась.

Я удивилась.

— Почему?

— Из-за врача.

— Вы вчера ездили?

— Ездила. Он прислал водителя, только перепутал адрес клиники. Пока разобрались, я опоздала на прием.

Я поморщилась.

— Очень жаль.

— Ничего. Врач все-таки принял. Но я Артему сказала, что теперь буду сама заниматься своими делами.

— Правильно.

Она помолчала.

— Ты знаешь, он мне сегодня Викторию представил.

Я крепче взялась за руль.

— Уже?

— Да. Привез на обед.

Я молчала.

— Красивая девушка, — продолжила свекровь. — Молодая. Говорит очень вежливо.

— Понимаю.

— Только я у нее спросила, как давно они знакомы.

Я невольно улыбнулась.

— И что она ответила?

— Сказала, что около года.

Софья Павловна тяжело вздохнула.

— Я тогда попросила Артема объяснить, когда именно он решил, что может год обманывать жену и при этом продолжать приезжать ко мне на семейные праздники.

Я не знала, что сказать.

— Он обиделся, — добавила она.

— Представляю.

— Сказал, что я не понимаю его чувств.

— Возможно, действительно не понимаете.

— Конечно, не понимаю. Я сорок один год прожила с его отцом. У нас тоже было всякое.

Но мы хотя бы не приводили любовников друг другу на обед.

Я тихо засмеялась.

Софья Павловна немного помолчала.

— Марина, я не прошу тебя мириться с Артемом. И оправдывать его не собираюсь.

Я почувствовала, как к горлу подступают слезы.

— Спасибо.

— Просто хочу, чтобы ты знала: если тебе понадобится помощь, звони. Мы с тобой не чужие люди.

Я долго не могла ответить.

Когда наконец заговорила, голос немного дрогнул.

— Софья Павловна, спасибо вам.

— Ну все. Езжай осторожно. И поешь нормально.

Она отключилась.

Я остановилась возле светофора.

Несколько секунд смотрела на красный сигнал.

Артем был ее единственным сыном.

Она любила его.

И все-таки нашла в себе силы не оправдывать то, что он сделал.

Наверное, это было сложнее, чем казалось.

По дороге домой я купила новую сковородку — хорошую, тяжелую, с удобной ручкой.

Зоя осталась бы довольна.

Я приготовила себе ужин, открыла бутылку минеральной воды и включила телевизор.

Шла какая-то передача о ремонте квартир.

Женщина выбирала обои для спальни и спорила с дизайнером из-за цвета штор.

Я посмотрела несколько минут.

Потом выключила.

Вспомнила Викторию с образцами обоев в руках, комнату Веры, плюшевого зайца и разобранные полки.

Мне стало так тяжело, что я отложила вилку.

Я понимала, что дочери давно не нужна детская комната в родительском доме.

Она выросла, работала и снимала собственную квартиру.

Но до сегодняшнего дня у нее оставалось место, куда она могла приехать, не предупреждая заранее.

Где лежали старые тетради, школьные фотографии и любимые игрушки.

Где ее всегда ждали.

Теперь Артем собирался переделать эту комнату для другого ребенка.

И дело было не в том, что у него появится сын или дочь.

Я не считала нового малыша виноватым.

Просто мой муж даже не задумался, что для Веры это может оказаться болезненным.

Я взяла телефон.

Открыла переписку с дочерью.

Отправила фотографии комнаты и коробок.

Потом написала:

«Вер, папа решил переделать твою комнату под детскую. Сегодня рабочие начали собирать вещи. Я попросила пока ничего не выносить. Скажи, пожалуйста, что ты хочешь забрать. Я помогу все сохранить».

Ответ пришел не сразу.

Минут через десять телефон зазвонил.

— Мам, это правда? — спросила Вера.

— Да.

— Он даже не спросил меня?

— Нет.

Она замолчала.

— Понятно, — произнесла наконец.

Мне не понравился ее голос.

— Верочка...

— Мам, не надо. Я просто хочу понять, зачем он так торопится.

Я вздохнула.

— Не знаю.

— Я же собиралась приехать на праздники.

— Конечно.

— И где мне теперь спать?

Я закрыла глаза.

— У меня. В новой квартире есть диван. Не очень большой, но мы что-нибудь придумаем.

Вера коротко засмеялась.

— Мам, дело не в диване.

— Знаю.

Она помолчала.

— Я ему сейчас позвоню.

— Вер, только не ругайтесь.

— Я не собираюсь ругаться. Хочу спросить, почему он не считает нужным разговаривать со мной.

Мы попрощались.

Я положила телефон и вернулась к ужину.

Но есть уже не хотелось.

Артем позвонил через двадцать минут.

Я посмотрела на экран.

Ответила.

— Ты совсем с ума сошла? — начал он.

Я закрыла глаза.

— Добрый вечер, Артем.

— Зачем ты рассказала Вере про комнату?

— Потому что это ее вещи.

— Она мне сейчас звонила и устроила истерику!

Я медленно выдохнула.

— Что именно она сказала?

— Что я вычеркиваю ее из своей жизни. Что не хочу ее видеть. Какую-то ерунду.

— А ты что ответил?

— Что она должна быть взрослой и не устраивать драму из-за мебели.

Я помолчала.

— Артем, ей больно.

— Из-за чего? Из-за старого шкафа?

— Из-за того, что ты не спросил ее.

— У меня будет ребенок, Марина!

— Я знаю.

— Ребенку нужна комната.

— У вас в доме пять спален.

Он замолчал.

Я продолжила:

— Пять, Артем. Одна наша. Одна Веры. Две гостевые и еще одна комната, которую мы использовали как кабинет для гостей. Почему обязательно переделывать именно ее спальню?

— Потому что она рядом с нашей!

— Тогда можно было хотя бы сначала поговорить с Верой.

— Ты опять учишь меня, как обращаться с собственной дочерью?

Я потеряла переносицу.

— Нет. Просто пытаюсь объяснить, почему она расстроилась.

— Я всю жизнь делал для нее все!

— Да, Артем. Ты много работал, чтобы у нас было все необходимое.

— Вот именно!

— Но иногда дочери нужен не новый телефон и не дорогая машина. Иногда ей достаточно, чтобы отец спросил, как она себя чувствует.

Он резко выдохнул.

— Ты стала очень умной, как только мы заговорили о разводе.

Я посмотрела на часы.

Почти десять.

— Артем, мы больше не будем обсуждать Веру через меня. Она взрослая. Если хочешь наладить отношения, разговаривай с ней напрямую.

— И перестань настраивать ее против меня!

— Я ничего подобного не делаю.

— Все равно уверен, что это твоя работа.

Мне стало обидно.

Не за себя.

За Веру.

— Знаешь, Артем, — сказала я, — самое неприятное в этой ситуации то, что ты даже не допускаешь мысли, будто дочь может обижаться на тебя по собственным причинам. Обязательно ищешь того, кто ей что-то внушил.

Он молчал.

— Она не маленькая девочка, которой я могу объяснить, кого любить и на кого сердиться. Она сама видит, что происходит.

— Закончили? — холодно спросил он.

Я выдохнула.

— Да.

— Тогда запомни. Я не позволю тебе разрушить мои отношения с дочерью.

Он отключился.

Я посмотрела на телефон.

Потом написала Вере:

«Если захочешь поговорить, я рядом».

Она ответила через несколько минут.

«Мам, я тебя люблю. И спасибо, что сохранила мои вещи».

Я положила телефон.
На этот раз слезы все-таки потекли.
Я не пыталась их остановить.

В пятницу утром в центре меня ждала Зоя.
На столе стояли две чашки кофе и коробка с круассанами.
— Доброе утро, — сказала она. — Как прошла поездка?
Я сняла пальто.
— Плохо.
— Настолько?
— Виктория уже переставляет мебель и собирается делать детскую в комнате Веры.
Зоя медленно сняла очки.
— Нет, ну это уже наглость.
Я села.

— Артем разрешил.

— Конечно разрешил. Его же никто не спрашивал, надо ли сначала разобраться с разводом.

Я рассказала о рабочих, коробках, разговоре с Викторией и ссоре с мужем.
Зоя слушала молча.

Потом спросила:

— А ты ничего не разбила?

Я удивилась.

— Что?

— Ну, вазу, например. Или тарелку. Хотя бы одну.

Я рассмеялась.

— Нет.

— Зря. Иногда полезно.

— Это было бы очень дорогое удовольствие.

— Да уж. Итальянская мебель, мрамор, генеральские нервы.

Я покачала головой.

— Ты неисправима.

— Зато со мной весело.

Она пододвинула ко мне кофе.

— Ладно. Теперь о работе.

Я взяла чашку.

— Что случилось?

— Получили ответ от аудитора.

Она положила передо мной распечатку.

Игорь Лавров сообщал, что компания временно приостанавливает оформление закрывающих документов по спорной поставке.

Также назначается внутренняя проверка.

Нам предлагали предоставить копии журналов получения оборудования и письменные пояснения.

— Хорошо, — сказала я.

— Да. Но есть еще одно письмо.

Зоя открыла почту.

На экране появилось сообщение от неизвестного адресата.

Тема: «Для Волковой М. С. Лично».

Внутри было всего несколько строк.

«Марина Сергеевна, если вы хотите понять, откуда взялся акт, проверьте номер договора, по которому оборудование приобреталось. Благотворительная поставка — не единственное место, где фигурируют эти четырнадцать комплектов».

Я перечитала сообщение.

— От кого?

— Неизвестно. Адрес незнакомый, подписи нет.

— Вложения?

— Нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.